

ДЕНИС РАТМАНОВ

НЕРУШИМЫЙ-4

Нерушимый

Денис Ратманов

Нерушимый – 4

«Автор»

«Автор»

2023

Ратманов Д.

Нерушимый – 4 / Д. Ратманов — «Автор», «Автор»,
2023 — (Нерушимый)

В детстве мне искренне хотелось играть в футбол, но от мечты пришлось отступить. И вот мне снова восемнадцать, я начал жизнь заново в новом теле, с новыми талантами и в новой стране – альтернативном СССР. У меня много дорог, но сперва я сделаю то, о чем мечталось – выведу нашу сборную в финал чемпионата мира по футболу. Но начать придется в команде Второй лиги, откуда ушли все толковые игроки, и от которой отвернулись даже болельщики.

© Ратманов Д., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Как вы яхту назовете	6
Глава 2. Люди, ау-у!	13
Глава 3. Я не трус, но я боюсь	19
Глава 4. Нас приглашают только тогда, когда что-нибудь горит	25
Глава 5. Титаник плывет	31
Глава 6. Ваше благородие, госпожа Удача!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Денис Ратманов Нерушимый-4

* * *

Глава 1. Как вы яхту назовете

– Турнирную таблицу все видели? – мрачным голосом спросил Димидко. – Открытие турнира седьмого апреля.

Он окинул взглядом конференц-зал, такой маленький, что туда едва уместились семнадцать футболистов, древний помощник тренера Петр Казимирович, Димидко и начальник команды, подозрительно нетрадиционный Алексей Смирнов.

Сан Саныч стоял возле магнитно-маркерной доски и притопывал правой ногой так, будто пытался накачать шину велосипеда.

Все разделились на два лагеря: справа начальник команды и местные ветераны, ко всему равнодушные, будто снулые рыбины. Слева наши, в середине друг за другом – два молодых игрока «Титана» и Быков, который был импотентом от футбола: хотел, но не мог.

Все, конечно же, турнирную таблицу видели и потому молчали. Только сейчас перспектива обрисовалась во всех красках, проступили нюансы, о которых никто из нас поначалу не подозревал, и увесистыми камнями повисли на наших шеях.

Заведя руки за спину, Димидко уточнил:

– Любой другой тренер на моем месте снялся бы с соревнований. Потому что мы таким составом не провели ни одной игры, ни одного товарищеского матча.

Он посмотрел на Смирнова, со скучающим видом сидящего в первом ряду. Воцарилось молчание. Начальник команды не сразу сообразил, что надо реагировать. Подобрался и спросил таким тоном, словно он секунду назад стоял у штурвала вселенной, а тут его потревожили:

– Что?

Димидко включил строгого директора и сказал, буравя его взглядом:

– Это я у вас хочу спросить – что? Точнее – где?

– Что – где? – проговорил Смирнов и сжал челюсти.

В душном помещении повисло напряжение. Видно было, что Сан Саныч раздражен, но он сумел спросить спокойно:

– Мы совершенно не сыграны. Нам нужны спарринг-партнеры. Но все местные команды, с которыми я связался, или отказались с нами играть, или не ответили на письма. Но это полбеды! Хуже всего, что у нас некомплект, а до истечения срока подачи заявок считанные дни! Я в этом городе новичок, потому и попросил вас нам помочь, но вы, похоже, об этом забыли.

По лицу начальника команды пробежала тень – вспомнил, что его о чем-то просили! Ветераны начали переглядываться, заерзали, будто стулья стали печь им задницы. Огромный Геннадий Быков прогудел:

– Пи... простите, содомит Филя... То есть Филимонов, подмочил репутацию команде. Поймать бы его и ноги повыдергивать!

Я посмотрел на Быкова, представил Филимонова, наряженного, как попугай, под мышкой здоровяка, представил, как наш бугай лишает его ноги, и пришел к выводу, что у него вполне может получиться.

– Я не понимаю, – развел руками Димидко, – Филимонова-то уже нет.

– Филимонова нет, а зашквар есть, – объяснил Быков.

– Как я их заставлю? – без особого энтузиазма поинтересовался начальник команды. – Мы – зачумленные, понимаете?

Я сосредоточился на Смирнове. Он хотел, чтобы было, как раньше, тогда он сможет договориться.

Интересно, с кем и о чем?

Остальные бело-серебристые футболисты «Титана» – и те, кому такая форма была привычной, и новенькие – молча внимали. Древний помощник тренера Петр Казимирович усты-

дился своего внешнего вида и сегодня сменил наряд чумного доктора на светло-серый спортивный костюм. Бордовый свисток на груди смотрелся, как пулевое отверстие.

Димидко накрыл рукой красные круглые магниты на доске, обозначающее игроков, и продолжил:

– Сборов у старого состава как таковых не было! Полная растренированность!

– Можно играть двусторонки, – предложил Матвейч. – Ну а что еще делать?

– Нас семнадцать человек, – сказал я. – Да, футбольные приемы отработаем, но взаимодействие – нет. Как мы его отработаем, когда наши игровые партнеры будут в команде соперника?

Краснощекий Кошкин глянул на меня с насмешкой, как на говорящее яйцо, которое вздумало всех учить, и сказал:

– А мне идея нравится! Как раз и сыграемся. На фиг нам еще кто-то? Александр... Александрович достаточно опытен, поймет, кому где на поле стоять.

– Стоять, ага. Главное – без напряжения, да? – съязвил Димидко, но Кошкин принял его иронию за чистую монету.

– Конечно! Убиваться-то незачем. Постепенно сыграемся, войдем в форму.

Не нужно было узнавать, чего он хочет, и так ясно: он не верит в то, что говорит. Его цель, похоже, – напрягаться поменьше...

Димидко развил его мысль:

– Действительно – зачем напрягаться, – он проговорил сперва ласково, а потом как хлопнет по доске! – Вот же, б...ь, обсосы! Трутни сраные! Валите сразу на фиг! Сразу же сказал: кто не работает – н...й с пляжа!

Кошкин поднялся и выпятил грудь:

– Ты полегче, тренер! Мы тебе не рабы...

– Не рабы, – кивнул Сан Саныч. – Суки вы. Трутни. Жабы на болоте. Неужели вам хватает трех штук зарплаты? И большего не хочется?

Поднялся начальник команды, пригладил брючки в обтяжку, поправил пиджачок и принялся отстаивать интересы – свои и сочувствующих ему трутней.

– Товарищ... эээ... Димидко. Ни к чему такие резкие выпады. Конечно им хочется большего. Но они здраво оценивают свои возможности. Вы посмотрите на команду. Какие могут быть победы? Наша цель – не вылететь из Второй лиги. Это и будет достижением...

– А конкретно ваша цель – не вылететь из команды, – огрызнулся Димидко. – Товарищ Шуйский ясно намекнул: он хочет, чтобы мы выигрывали.

Чувство собственной важности Смирнова затрещало по швам. До того изображавший надменное спокойствие, он не выдержал, всплеснул руками, но все равно как-то манерно, не по-мужски.

– А если он на Юпитер захочет? У него хотелок миллион. Завтра он о нас забудет, поверьте моему опыту.

Мне что-то подсказывало, что нет, Шуйский не забудет. Но и открыто покровительствовать не станет, будет наблюдать. Тем более что я – его зона ответственности.

– А если он с меня спрашивать начнет, стрелки на вас переводить? – Димидко упер руки в боки.

– Вы мне тут громкими именами не жонглируйте, – отмахнулся от него Смирнов. – И предъявлять мне ничего не надо. Я вообще-то – замдиректора крупного завода, а ваши претензии выслушиваю только для того, чтобы у города была хоть какая-то команда...

– Это потому что ты сам «хоть какой-то»! – окончательно взбеленился Сан Саныч. – И все у нас так – хоть как-то и на соплях. Меня это не устраивает...

Начальник команды снисходительно улыбнулся.

– А меня не устраивают ваши оскорбления. И если вы продолжите в том же духе, я сложу полномочия и передам их вам.

Вот теперь ветераны занервничали, заерзали на стульях сильнее.

– И организационные вопросы, а также премии игроков станут вашей головной болью. – Он улыбнулся еще более ядовито.

Но вместо того, чтобы поджать хвост, Димидко кивнул и парировал:

– Вы меня шантажируете?

– Увольте! Где вы усмотрели шантаж? Я вижу, вы совершенно бескомпромиссный, и диалога у нас не получится. Давайте вернемся к этому разговору через три дня. И если вы не будете готовы меня слушать, я уволюсь, и барахтайтесь сами! Делайте из болота океан...

– Вали хоть сейчас! Толку с тебя! – бросил Сан Саныч.

Начальник команды поправил галстук, пригладил волосы и, преисполненный чувством собственного достоинства, направился к выходу.

– Кто еще хочет валить? – мрачно поинтересовался Димидко.

Его лицо заострилось, глаза пылали, ноздри раздувались. Смирнов у выхода остановился и изобразил поклон. Ветераны (Синяк, Кошкин и Иванов с Потупчиком) с тоской уставились на него, но следом идти побоялись.

– Вот пи..., – возмутился Микроб, поймал осуждающий взгляд Петра Казимировича, которого я мысленно уже окрестил Древним, хлопнул себя по губам.

Димидко осмотрел футболистов. Помощник тренера заозирался, задрбезжал:

– Товарищи, а зарплата-то как? Зря вы так, Александр! Он отлично умел договариваться, и еще не поздно его вернуть...

Встретившись взглядом с Димидко, он замолчал, пожевал губами и потупился. Воцарилось молчание. Я лихорадочно соображал, что делать с командой, которая не хочет играть, и с некомплектом. Неужели все от нас шарахаются только из-за тренера-голубца? Кажется, тут дело нечисто, и нужно разузнать все нюансы.

Хлебнув воды из бутылки, Димидко сказал:

– Ваше молчание означает, что вы хотите работать, я правильно понял?

Ветераны «Титана» безмолвствовали. Они не верили, ни в себя, ни в команду, ни в Димидко. Скорее всего, наши устремления казались им блажью.

– Так что, пока двустронку гоняем? – спросил Матвеич.

Я ответил вместо Димидко:

– Пока да, но еще дней пять, и смысла в этом не будет. Потому что команда – единое целое, где важен каждый, и если кто-то будет отсутствовать на своем месте, это как когда у тела пропадет рука, там... нога или глаз...

– Руки футболистам ни к чему, – попытался состричь Кошкин.

– Тебе и ноги ни к чему, а тем более башка, – сказал Димидко.

Слово взял возрастной нападающий Синяк. Голос у него был гнусавым, как у слоника из мультфильма «Тридцать восемь попугаев».

– Александр, мы вас слушаем. – Он выделил интонацией слово «вас» и покосился на меня, типа знай свое место, сопляк.

Я сделал вид, что не понял намека:

– Сан Саныч, вы ж письменно общались с местными командами? Нужно попробовать встретиться с тренером лиловского «Динамо» лично, поговорить. Объяснить все.

Синяк фыркнул:

– Сказали же тебе: не станут они нам помогать, потому что – конкуренция. Они из-за нас из Кубка вылетели. Ну как из-за нас... В общем, они считают, что завод заплатил судье, чтобы он их засудил.

– Но ведь никто не мешает попытаться! – возмутился я и собрал коллекцию недоуменно-презрительных взглядов.

– Да уж, репутация, – проворчал Димидко, потирая висок. – А сам как считаешь, был тот матч проплаченным, или – слухи?

Мне подумалось, что подкуп судьи – уже точно содомия в плохом смысле слова, и если на счету «Титана» нечестная игра, то нам о-очень долго не отмыться. Местные команды отказались с нами играть, скорее всего, именно из-за этого.

– Кто же нам скажет? – пожал плечами Синяк. – Мы-то были в игре, а изнутри не видно, справедливо оно или нет. Тут ведь как, когда по голени долбанут и искры из глаз сыплются, это кажется несправедливым, даже если сам подлез.

Димидко обратился к собравшимся:

– Так что пока придется разделиться восемь на восемь и играть неполным составом. Что, безусловно, дыры в защите не вскрыет и вообще мало что покажет, кроме, пожалуй, вашей техники. Но хоть мяч попинаете. Так что все вместе думаем, где искать недостающих игроков.

– Могу предложить дворовую команду, – вызвался рыжий ротастый Гусак, отдаленно похожий и на Льва Витаутовича, и на Мика Джаггера в молодости.

Похоже, только этот парень и вратарь Васенцов были заинтересованы в результате.

– Ты еще женскую сборную предложи, – проворчал Синяк, скрестив руки на груди.

Видимо, не прельщала его роль динозавра в стае молодых и дерзких.

– Другие варианты? – поинтересовался Димидко.

Синяк, который был капитаном «Титана», снова взял слово:

– Да послушайте вы нас! Вы ж только себя слышите! Давайте упоремся до кровавого пота – и пофиг! У нас даже болел нет! Когда вскрылись хождения предыдущего тренера, поддержка испарилась, потому что это люди своеобразные, и у них не принято поддерживать содомитов.

– Кого? – прищурился Погосян.

– Содомский грех – слышал? – сказал Синяк.

Микроб шепнул на ухо Мике понятное русское слово, и Погосян ругнулся. Синяк продолжил:

– Потому не только болелы нас не поддерживают, но и другие команды играть брезгуют. – Он пожал плечами. – Михайловск – город небольшой. Да и тот случай с несправедливым пенальти...

Вспомнилось, как в 2014 в кругу болельщиков «Зенита» я смотрел матч питерцев с «Уралом». Судьи настолько нагло и тошнотворно топили гостей, что сами зенитовские болелы плевались, матерились и к концу матча стали сопереживать «Уралу». Естественно, тогда выиграл «Зенит». Да и у меня осадочек остался. Представляю, как злился бы, окажись я игроком команды, которую топят, чтобы вытащить каких-то содомитов. Прямо торжество толерантности во всем его цвете!

Димидко потер подбородок, прошелся по залу туда-сюда и сказал:

– С этим надо что-то делать, потому что матч – не тренировка, нам нужно встречать соперников подготовленными, а я представления не имею, каковы некоторые из вас в игре, да и две позиции оголились, нужно подбирать новых людей. – Он посмотрел на Гусака. – Так что твоя идея не так уж и плоха. Нас семнадцать человек, нужно двадцать два: одиннадцать основы и запасные, то есть не хватает пяти человек.

– Обязательно, чтобы они хорошо играли? – Гусак расцвел, растянул огромный рот в улыбке.

– Нет. Но они должны быть подготовленными хотя бы, как вы. Рахиты на поле нам вряд ли помогут.

Синяк поморщился, поскреб в затылке и сказал:

– Можно обойтись без оскорблений?

Сан Саныч сделал зверское лицо, пригвоздил его к месту взглядом и обратился к обществу:

– Кто-нибудь видит в моих словах оскорбления? – Все промолчали. – Я лишь констатирую факты: вы в плачевной физической форме, моя команда тренирована гораздо лучше. Но буквально два часа, и вы можете доказать, что мои обвинения несправедливы, и тогда я принесу свои извинения. А если нет, – он злобно оскалился, – тогда в воскресенье вместо выходного у вас кросс. Василий Ан проконтролирует.

Колесо с готовностью кивнул. Старый состав «Титана» набычился – все, кроме молодняка. А я подумал, что зря он противопоставляет команды, это еще больше демотивирует ветеранов «Титана» и настроит против нас.

Димидко продолжил:

– Я предупреждал об этом при знакомстве. Теперь – об условиях нашего сотрудничества. Наша зарплата, как и при Филимонове, будет составлять три тысячи в месяц.

Он взял паузу. Старый состав «Титана», привыкший к такой сумме, не протестовал, бывший балласт «Динамо» не возражал, потому что был предупрежден.

– Зато за победу или ничью – три тысячи каждому, включая меня. За победу в чемпионате – по сто тысяч каждому, за выход в переходный турнир – по восемьдесят... – Он сделал паузу. – И за выход в Первую лигу – по двести тысяч.

Ошарашенное молчание сменилось недоверчивым хмыканьем. Да уж... Все равно что Саныч бы объявил, что мы получим по сто миллионов за выход в космос.

– Если будем все матчи выиграть, получится около пятнахи тысяч в месяц, – сказал Микроб, чтобы хоть как-то ободрить «титановцев».

Но не получилось. Они по-прежнему сидели с кислыми рожами, не верили и не хотели верить ни новому тренеру, ни в себя. Будь сереньким, летай низенько, тогда авось не заметят и не съедят.

Только молодняк «Титана», Гусак и Васенцов, переглянулись и воскликнули в один голос:

– Круто!

– Вводная часть закончилась, – подвел итог Саныч. – Переходим к сегодняшним задачам. Первая половина дня: отработка приемов, игра восемь на восемь со сменой позиций. Тринадцать ноль-ноль – обед, вы включены в списки, просто называете свою фамилию в столовой и получаете порции. Четырнадцать ноль-ноль – идем в манеж, определяемся с позициями на поле. Сразу предупреждаю: привычные позиции могут измениться. Решение тренера не оспаривается.

– Наконец-то у нас нормальный тренер! – потер руки Гусак.

– Ну и конечно – игра восемь на восемь, – продолжил Димидко. – «Титан» против «Динамо». Проигравшая команда лишается выходного.

Ветераны «Титана» покосился на него неодобрительно.

Хреново. Очень хреново. У нас не просто некомплект, а и одиннадцать мотивированных игроков не набирается!

Да и в нашей команде не все гладко. Я посмотрел на Дрозда-Дятла. У него, как у муравьишки, ноги, ему – домой. Каждый день ему нужно возвращаться в Москву, нянчить жену и детей-подростков, чтобы любящая и понимающая супруга не проедала ему плешь. Они с Димидко предварительно договорились, что в субботу и воскресенье Дятел будет отсутствовать, а возвращаться – только в понедельник.

Соответственно, если мы будем проигрывать, жена окончательно обглодает Дрозда, приносящего в дом копейки, и он сперва начнет халтурить на поле, а потом и вовсе сольется.

Интересно, как бы отнеслась Алена, моя, то есть Звягинцева покойная жена, к известию, что мне придется часто отсутствовать и ездить по разным городам? Думаю, что не только с понимаем, но и с одобрением, потому что, во-первых, она найдет чем заняться, пока меня нет, а во-вторых, и сама бы с радостью поехала куда-нибудь со мной, и на стадион пошла бы поболеть за нашу команду, и кричала бы громче всех.

Теперь Алена меня старше на полжизни, я мог бы быть ее сыном. Да и женщина с такими же именем и фамилией получила другое воспитание, ее личность прошла становление при других условиях, не стоит ее считать моей Аленой.

Трель свистка вывела меня из мыслей.

– По коням, товарищи! Пять кругов по стадиону. Слушаем меня! По свистку меняем виды бега. И так десять минут в максимальном темпе. Потом – разбиваемся по парам и делаем, что я скажу.

Мы переместились в манеж, который... как бы сказать... которого местная команда точно недостойна: просторный, светлый, с подогревом. В той реальности в таких играть не доводилось, да и откуда им взяться в моем захолустье?

Началась разминочка, которая оказалась настоящим испытанием для половины игроков «Титана»: бег, челночный бег, приставной шаг, захлест, бег высоко поднимая колени. Да быстрее, каракатицы! Тюлени! Сонные слепни! Доходяги!

Потом мы немного растянулись, я забрал Леню Васенцова, Сан Саныч встал в пару с Синяком.

Прежде чем поставить на ворота Леню, я постелил маты, чтобы парню с дефицитом массы было не больно падать.

– Ты как после той трени, живой? – спросил я.

Леня пожал плечами, сделался маленьким и жалким, и сразу стало ясно, что он, может, физически и в порядке, но морально – нет, и опять убиваться точно не готов. Пришлось его мотивировать:

– В предыдущую команду я попал сразу на сборы...

Забористая ругань Саныча заставила меня замолчать и повернуть голову. Н-да, судя по тому, как он разошелся, никто «Титан» не тренировал по-настоящему, а значит, ветераны аборигенной команды нам не помощники.

– Так вот, меня поставили в ворота, и в первый же день я около часа ловил мяч и падал, чего раньше, как и ты, ни разу не делал. Ляжки просто всмятку! Утром встать не мог.

– Это да, синие все.

– И на следующий день – то же самое, – продолжил я. – Болеть перестало где-то через неделю. Так что пройдет. Давай сперва я на ворота, а ты бей. Пока отработок в падении у тебя будет меньше.

– Ладно.

Он с недоверием посмотрел на мяч, словно тот мог укунить его за ногу, ударил... Я дернулся к мячу, но он попал в штангу.

Вообще Леня был для меня идеальным подающим партнером: пытаюсь обмануть, он бил очень паршиво, мяч летел, куда хотел. Лучше всего у него получался сильный прямой удар, и я отрабатывал ловлю мяча, тренировал запястья. Ночью еще подкачаю их с помощью способностей – и вообще прекрасно будет.

Примерно час мы занимались приемами, потом злой и обескураженный Димидко нас поделил на две команды, как и обещал: старый состав, Васенцов на воротах, против нового состава, на воротах я. Чтобы игроков получилось девять и ситуация на поле хоть как-то уравновесилась, Саныч пошел играть за старый состав.

Наблюдая за игрой из ворот, я думал, что по сравнению со старым составом «Титана», наверное, лиловское «Динамо» – не такое уж дно... Ну правда. Лучшие титановцы ушли вслед

за голубым тренером, а остались совсем никчемные, ни базы, ни дышалки, ни-чего. Этакие вечные резервисты, ни на что не претендующие, без амбиций, довольные своей ролью запасных и капающей на счет зарплатой. С такими даже двусторонку нормально не отработать, к сожалению.

Также огромные проблемы были и у бывшего динамовского балласта, а все из-за отсутствия Жеки и Игната, которые раньше вели игру в центре поля, а теперь на их месте зияла огромная дыра, закрыть которую не могли ни Клык с Дятлом, ни Мика с опущенным вниз Матвеичем...

В общем, смотрел я на это классическое «игра была равна, играли два говна», и от нехорошего предчувствия, как мы будем позориться на зеленых и лысых полях городов и весей Союза меня бросало в пот. Черт, нам бы хотя бы спарринг-партнеров нормальных, как у меня были Леха с Олегом в Лилловске!

Минутку...

И тут меня осенило, где взять нормальную команду для отработки взаимодействия. В Лилловске! Глядишь, оттуда удастся переманить кого-нибудь из полузащиты.

Что я непременно озвучу во время перерыва, и если Димидко, который сегодня лютовал, меня отпустит, рвану туда договариваться. Там злокозненный Филимонов вряд ли так нагадил, как в Михайловске, а если Белькевич заартачится, включу тяжелую артиллерию!

Внучку генерала Вавилова! Или «лучшего в мире».

Глава 2. Люди, ау-у!

В четыре часа, когда титановцы в лице Димидко, который гонял по полю электровеником и только успевал раздавал пасы и затрещины, наконец закатили мяч в наши ворота, был объявлен долгожданный получасовой перерыв.

Титановцы расползлись кто в туалет, кто – на скамейку запасных, метя свой путь каплями пота, а я подошел к возбужденному Димидко, взмыленному и решительному, изложил ему суть проблемы: нам нужен серьезный спарринг-партнер, я хочу поехать в Лиловск и попробовать договориться с тамошней публикой, а именно – с «Динамо».

Димидко шумно поскреб в затылке, посмотрел на меня как-то странно, будто бы взвешивая и оценивая каждое мое слово.

– А кто на ворота пойдет вместо тебя? Мы же не доиграли. Нужно выявить... – Он еще не отдышался, шумно втянул воздух и продолжил: – победителя и показать этим поползням, кто чего стоит и Кузькину мать.

– Ты и иди, – сказал я и добавил: – так ты лишишь их преимущества и единственного грамотного игрока.

Оставаясь наедине, мы все общались на «ты», разве что Клыков стеснялся «тыкать» тренеру. Но на людях манера общения менялась.

– Думаешь, получится? – засомневался он.

Да что ты будешь делать!

– Тебя Смирнов случайно не покусал? – сыронизировал я.

– Нет, только слюной обрызгал.

– За спрос не бьют в нос. Тут не думать надо, а ломиться во все двери. Так сказать, решать проблему некомплекта силой. У тебя на это времени нет и не будет. Так что делегируй полномочия.

– Воропая бы и Тишкина вернуть, – мечтательно протянул Сан Саньч.

– Может, и вернем, когда начнем выигрывать, к аутсайдерам они не пойдут.

– Больно ты умный для восемнадцати лет.

– В детдоме год за два идет, – отшутился я. – Так что, я пошел? Дай пять.

Получив тренерское благословение, я побежал в раздевалку. Ехать до Лиловска на экспрессе было тридцать пять минут, и, по идее, я успевал перехватить Белькевича до того, как он уйдет домой.

Первым делом я рванул в душ, освежился, а когда уже вытирался, хлопнула дверь в раздевалку, донеслись шаги, и я услышал гнусавый голос Синяка:

– ...сука, валить надо.

– Куда? – Его собеседником был, скорее всего, Кошкин.

Феноменальная память срабатывала на цифры, буквы, детали увиденного, на слух она не распространялась.

– Ни покоя не будет, ни бабла. Он не сможет выбивать финансирование, Смирнов ему просто не даст, потому что он человек-говно.

– Но говно полезное. А Димидко, сука, со звездой во лбу и жопе, говна бесполезного навез. П...ц самомнение у этого сопляка. Так бы и дал в е...о.

Интересно, это он про меня или Димидко? Если про меня, интересно, что он скажет, если предложить подраться?

– Угу. Наверно, за то и поперли из «Динамо» – охренел вконец.

Возникло ощущение, что это уже было. Точно было – с Олегом. Тогда я вошел в раздевалку и предложил разрешить спор на ринге. А теперь что делать? Так и подмывало выйти

и сказать, что говно полезно лишь для растений, но я сжал кулаки, понимая, что тут вопрос нужно решать дипломатией – не бить же морды футболистам, с которыми еще играть.

Воцарилось молчание. Хлопнула дверца шкафа. Зашуршал бумажный пакет.

Когда титановцы удалились, я вышел из душа, наскоро вытерся и рванул на экспресс «Москва – Михайловск – Лилевск».

В голове вертелись мысли, что делать и кто виноват. Как заставить играть футболистов, которые категорически не хотят работать? И еще одна проблема обозначилась – гадающий Смирнов. Тут, в Михайловске, ни у кого нет знакомых, управу на замдиректора завода найти будет сложно.

Вспомнился разговор с Шуйским о человеческом факторе и заиграл новыми красками. Ясно что всплывает наверх: карьеристы и подлецы. На всех патронов не хватит, а тем более – одаренных. Потому в стране и бардак. Люд вкусил девяностых и все не угомонится. Не будешь же на каждого Шуйскому жаловаться. Сами, все сами.

На вокзал я прибежал за пять минут до отправления экспресса.

Устроившись в мягком кресле, разогнал сомнения и сосредоточился на цели. Нашел информацию о лиловском «Динамо», открыл статью и обалдел: с фотографии на меня смотрел... Валентин Белькевич! Легендарный подопечный Лобановского, известнейший футболист киевского «Динамо»... ныне покойный.

В моем сознании этот человек был давно мертв, и я думал, что лиловскую команду тренирует его однофамилец. Однако – нет!

Выходит, у него вовремя выявили патологию, провели операцию. В результате тромб не оторвался и не убил его?

Я отмотал в памяти события до августа 2014 года, когда он должен был умереть. Принялся искать информацию о Белькевиче в Комсети – нашел! Да, его лечили от тромбоза – медикаментозно. Тромб все-таки оторвался, но не в 2014-м, а позже, в 2022-м г., закупорил не сосуд в сердце, а током крови его отнесло в мозг, и случился ишемический инсульт.

Белькевича оперировал хирург Антон Игнатьевич Абакумов, уроженец Лилевска и большой фанат футбола, он не только провел сложнейшую операцию и спас тренера, но и назначил лечение, благодаря которому почти не осталось последствий. В благодарность Белькевич пообещал воспитать в Лилевске достойную команду.

Лилевское «Динамо» сразу выросло в моих глазах. Даже как-то стыдно стало, что я считал этих ребят дном. Да они нас в тонкий блин по полю раскатают с таким тренером!

Я принялся читать дальше. Самое интересное и информативное оказалось в комментариях. Там разгорелся срач о том, что бывший тренер Филимонов вел нечестную игру и шантажом и подкупом пытался обеспечить своей команде победу в матче на Кубок страны в 1/256 финала текущего розыгрыша.

В итоге из команды Белькевича выгнали двух защитников, которых заподозрили в саботаже, и они перешли в «Титан», а потом слиняли вместе с тренером. Аж мне захотелось набить морду Филимонову. Вот же человек-говно!

Зато есть возможность уговорить Белькевича от противного: помогите команде-жертве содомита-Филимонова! А если не получится, применить «лучшего в мире».

Узнав то, что мне было нужно, я открыл турнирную таблицу. В принципе, с моей памятью можно было этого не делать, но гораздо нагляднее, когда перед глазами реальный график.

Первая наша игра пройдет седьмого апреля в гостях у «Вольни» в Луцке. Полтора месяца осталось. Реально ли собрать команду и натаскать ее? Вопрос тот еще. В городе покрупнее Михайловска, и если бы не тренер-говно, подпортивший репутацию команде, с талантом и энтузиазмом Димидко – легко. А так...

Теоретически, конечно, можно поискать игроков, ведь для Второй лиги есть поблажки, и заявочное окно закрывается аж первого марта. Но где искать? Кого звать? Все толковые при деле.

Похоже, упаднические настроения и правда заразны.

Врешь, не возьмешь! Все мы сможем. Я в лепешку расшибусь, чтобы у нас получилось. Мне нужно двигаться дальше, я не имею права терять этот год.

Итак, что за команда «Волынь»? Не фаворит, не аутсайдер, крепкий середняк. Лидер региона с начала шестидесятых. Будь у нас Жека с Игнатом, мы бы их с большой вероятностью сделали, как справлялись с основным составом дубля «Динамо». Ярких форвардов у них не было, болельщики обвиняли их тренера в трусости на выездных матчах, где он предпочитал играть от защиты. Мы едем к ним, а значит, такого преимущества у нас не будет.

Увлечшись, я не заметил, как опустел вагон. Сунул телефон в карман и выбежал из экспресса.

Лиловск встретил тишиной и празднично-белым снегом. Чтобы сэкономить время, я проехал несколько остановок в просторном и теплом автобусе, увидел спортивную рекламу ближайшего матча Премьер-лиги: ЦСКА против московского Динамо – «Болей за своих!» За московское «Динамо» теперь я болеть точно не буду.

В Лилловске я рассчитывал действовать не напрямую, а через Мимино. Попрошу его вызвать Белькевича, встречу с ним, включив «лучшего в мире» парламентаря, а дальше сам пойму, какие использовать слова.

Будь на моем месте кто-то более беспардонный, он объяснил бы ситуацию Тирликасу и попросил бы поспособствовать, найти команду соперников и вынудить сотрудничать. В итоге Белькевич получил бы настоятельную рекомендацию сыграть с «Титаном» и не отвертелся бы, хотя бы одну игру провел. Единственного матча, конечно, мало, но хоть что-то. Белькевича заставили бы, потом – еще кого-то, и у «Титана», и так имеющего дурную славу, врагов появилось бы еще больше. Но как-то это мелко и не по-человечески. Тем более когда я узнал, что это за Белькевич. Он точно заслужил уважение.

В моей голове крутились аргументы, один красивее другого, «лучшего» я пока не включал. Только бы Мимино, директор спорткомплекса, был на месте!

Директор спорткомплекса, хоть уже и собирался домой, меня принял, пожал руку и улыбнулся в густые черные усы, как доброму знакомому. Выслушал просьбу и аргументы, почему матч «Титана» и «Динамо» так важен для области.

Я включил все свое обаяние и красноречие, надеясь заразить его энтузиазмом и желанием возродить отечественный футбол. Он вежливо выслушал и сказал, виновато отводя взгляд:

– Понимаешь, какое дело. Валентин, э-э-э... слишком независимый сотрудник. Звезда! Он может и рукой на меня махнуть. Нужна очень веская причина, чтобы ему сюда подняться.

Пока я придумывал еще одну причину, Мимино посоветовал:

– Ты лучше подожди его возле тренерской. Он должен скоро... – Директор спорткомплекса глянул на часы. – Через пятнадцать минут освободиться. Так будет наверняка.

– Спасибо, – невесело улыбнулся я.

Мое недовольство Мимино истолковал по-своему:

– Спешить не надо, он на рабочем месте всегда до последнего, успеешь.

– Спасибо, Валериан Ираклиевич!

– Было бы за что, – вздохнул он. – Но здесь от меня мало что зависит.

Я глянул туда же, на часы на стене, и знакомыми коридорами отправился отлавливать Белькевича, который оккупировал спортзал. Оперся спиной о стену возле тренерской.

Нахлынули воспоминания, как мы выясняли отношения с Олегом, мир казался зыбким, я чувствовал себя, будто из-под ног выбили основу. Теперь же ближайшее будущее обозначи-

лось, а вот дальше, туда, где одаренные и самородки, и Горский с его прогрессорством, я пока не заглядывал.

Из-за закрытой двери доносились возгласы, удары о мяч, изредка – короткие свистки. Авторитет Белькевича был так велик, что хотелось открыть дверь и посмотреть, каков он в роли тренера, но я себя пересилил.

Наконец в спортзале воцарилась тишина, и оттуда высыпали футболисты – почти все юные, как я, лишь несколькими около тридцати. Тренер выходил последним, с манишками, перекинутыми через согнутую левую руку с бледными странно поджатыми пальцами. Мне показалось, или он подволакивает левую ногу? Похоже, insult все-таки не прошел без последствий.

– Здравствуйте, Валентин Николаевич, – проговорил я, отлепляясь от стены.

Он вскинул правую руку, будто преграждая мне дорогу, и сказал, не глядя на меня:

– Извините, молодой человек, команда набрана.

– Я по другому вопросу...

– Интервью – строго по записи, – отрезал он все так же не глядя.

Кажется, диалог не клеится, и авторитет Шуйского и генерала Вавилова тут не помогут. На миг растерявшись, я подумал: «Хочу быть лучшим в мире переговорщиком!» Аргументы нашлись мгновенно, и я бросил ему в спину... точнее слова сами слетели с языка:

– Мне рекомендовал к вам обратиться Антон Игнатьевич Абакумов!

Это хирург Белькевича. Талант сам подкинул фамилию, которую я прочел в статье, пока ехал сюда. Видимо, другие аргументы на Белькевича, утомленного местными страждущими, не подействовали бы. Он обернулся. А у меня на миг пропал дар речи – будто покойника увидел: узкое длинное лицо, простое, я бы сказал, располагающее. Растрепанные русые волосы. Розовая полоска шрама справа у виска. Но это то самое лицо! Валентину Белькевичу в этом году должно исполниться пятьдесят.

– Извините, что забираю ваше время. Не каждый день встречаешься с легендой, тем более, когда у тебя личная просьба.

Белькевич вскинул бровь, я продолжил:

– Нет-нет, я не буду проситься к вам в «Динамо». Я вратарь команды, причем той, с которой вы ни при каких обстоятельствах не хотели бы делить поле.

Озадаченный Белькевич остановился. Если бы я сам подбирал аргументы, чтобы убедить его помочь нам, то сказал бы другое и был бы послан. Но талант сам подсовывал правильные слова и расставлял их в оптимальной для данного человека последовательности.

– Скорее всего я получу отказ, но вы – наша последняя надежда.

– Что тебе нужно? – спросил он.

Не успел я обдумать ответ, как произнес:

– Я играю в «Титане». В обновленном «Титане» без Филимонова. Этот... так ослабил команду, что теперь все от нас шарахаются, как от зачумленных. Я приехал просить вас о помощи: у нас полностью сменился состав, сыгранности ноль, очень нужны спарринг-партнеры. Прошу вас провести с нами товарищеский матч на вашей территории и на ваших условиях.

Белькевич недобро улыбнулся. Он не просто хотел нас одолеть, а был уверен, что разделает всухую и докажет своим деморализованным парням, что у них крутая команда.

– Я правильно понял, что вы ни с кем не играли новым составом? – Его глаза кровожадно блеснули.

– Именно. Сегодня – первый день, как состав собрался. Только одну тренировку провели да двусторонку.

– А кто у вас теперь тренер?

– Александр Александрович Димидко, – честно ответил я.

Улыбка Белькевича стала еще шире.

– Тот самый, из Владивостока?

– Из Хабаровска, – поправил его я.

– И все равно наш, динамовец... – Взгляд его потеплел. Он посмотрел на меня уже с интересом, потирая подбородок. – Но почему со мной говоришь ты, а не он?

– После того, как наш тренер вам написал и не получил ответа, он уверен, что вы не станете его слушать.

С большой вероятностью так и было бы.

Мимо прошла пара футболистов, покосилась с интересом, и Белькевич кивнул мне на раздевалку. Когда мы вошли, он хлопнул дверью и сказал голосом, kloкочущим от злости:

– Ты в курсе, как «Титан» обошел нас в кубке?

– Попытался купить защей?

– Это было раньше. Он купил судей, и нас топили, как котят. Ваш Синяк взял мяч в руки, и что ты думаешь? И ничего! Парни так охренели, что до сих пор отойти не могут. Ты уверен, что хочешь с ними встречаться на поле?

Я представил матч. Представил трибуны с разъяренными болельщиками «Динамо»... Есть шанс, что они на зимний товарняк не позовут болел, но Лиловск – город маленький, сами узнают и набегут выместить злость за прошлый проигрыш... Нет, я не хотел, но так было нужно.

– Очень вас понимаю, – выдал я то, что вряд ли сказал бы сам, но что с большой вероятностью думал сам Белькевич: – Мы столкнулись с чем-то подобным: хороших игроков вместе с тренером выперли из дубля московского «Динамо». Видите ли, Кирюхин... это тренер дубля.

– Я знаю, кто такой Кирюхин, – перебив меня, поморщился Белькевич.

– Так вот, этот тренер-пенсионер боялся, что его подвинет Саныч, молодой коллега. И так везде. В итоге в стране футбол хромает на обе ноги. Никому не нужен результат, все вцепились задницами в свои кресла и боятся, как бы чего не вышло.

Похоже, моя короткая речь зацепила чувствительную струну в душе Белькевича, его взгляд потеплел.

– Мы пересекались несколько раз с Димидко. Как футболиста я его в команду не взял бы. Посмотрим, на что он годен как тренер. – Из его голоса исчезла злость, дальше он говорил спокойно: – Ну а вас как занесло из Москвы в глухомань? Да еще на «Титаник»?

Ха! Никто и не подумал, с чем созвучно название нашей команды.

– А куда было деваться? – пожал плечами я. – Заявочное окно закрыто. Димидко сказали, что здесь можно набрать команду практически с нуля, а нас девять человек. Мы только третий день как приехали, а тут столько сюрпризов... Еще и местные играть не хотят ни х... – я осекся, – вообще.

Белькевич, похоже, меня не слушал. Положил манишки на диван, подошел к календарю, к которому крепились разноцветные стикеры с напоминаниями, замер, наверное, на минуту. Его левая рука оставалась полусогнутой, пальцы – сжатыми. Повернувшись, ответил:

– В следующий понедельник ждем вас в центральном спорткомплексе в восемнадцать ноль-ноль. Я поищу сообщение Александра Димидко и отвечу ему. Но я не гарантирую вам теплый прием. Скорее не так. Прием будет крайне болезненным.

– Футбольный бог не Тимошка, видит немножко, – улыбнулся я. – Но того «Титана» больше нет. И начальника команды мы тоже поменяем.

– Попробуешь это рассказать моим парням. – Он сменил тон беседы на строгий: – Все, аудиенция окончена.

Улыбнувшись, я пожал его протянутую руку и распрощался, напоследок узнав, чего он хочет, и мне не понравилось его желание: уважаемый мной Валентин Белькевич жаждал нашей крови.

Да, товарищеский (а вернее, совсем не товарищеский, ибо заруба будет еще та!) матч – не бог весть что, одной игры недостаточно для того, чтобы команда сыгралась. По сути этот матч – наше боевое крещение.

Как говорил Черчесов – контрольный матч, за который мы сами поставим себе оценку.

На улице свежий ветер развеял впечатление от встречи с легендарным Белькевичем, и я придумал кое-что еще. Я же сегодня самый крутой парламентар и могу убедить кого угодно в чем угодно! Чтобы талант не работал вхолостую, я набрал Жеку. Вот теперь он точно не соскочит! Мои аргументы должны перевесить его жадность и чувство собственной важности.

Он сто пудов купится на двести тысяч, обещанных за выход в первую лигу!

Пока слушал протяжные гудки, в голову пришла еще более прекрасная идея. Мне нужно было не домой, а ко Льву Витаутовичу.

Глава 3. Я не трус, но я боюсь

Жека и Игнат так и не ответили. Зато Тирликас снял трубку сразу же, и я выпалил:

– Лев Витаутович, нужна ваша помощь...

Через час я сидел у него дома и понимал, что спешить с разговором ни в коем случае нельзя. Мой бывший тренер заваривал чай в прозрачном чайнике и ничего не спрашивал, я молчал, ждал удобного случая. Только усевшись в кресло и выставив на стол конфеты, он отхлебнул чаю и кивнул.

– Рассказывай.

Вместо того, чтобы излагать проблемы команды во всех деталях, я коротко брякнул:

– Начальник «Титана» – говно. – И отхлебнул из чашки. – Он не заинтересован в том, чтобы мы нормально играли. Его нужно менять.

Витаутович усмехнулся.

– А сам он меняться согласен?

– Он нам пригрозил своим увольнением.

– Хм. Это мог быть шантаж. Не подумал?

Я потянулся к конфете, снял обертку со знакомым с детства изображением верблюда и прежде, чем отправить ее в рот, спросил:

– За три тысячи вряд ли кто-то пойдет...

Наблюдая, как Витаутович поджигает губы, я начал все понимать без объяснений.

– Государство развивает спорт. Если команда выигрывает, выделяются большие средства, проводятся через завод. – Тирликас потарабанил пальцами по столешнице. – Сечешь?

Секу. Все примерно как на беспредельных боях. Заводу выгодно, чтобы команда выигрывала. Отсюда такая возня и интриги даже в несчастной Второй лиге.

– Филимонов и Смирнов подкупали судей и игроков. Значит, им выгодны победы, – озвучил я свои мысли.

Лев Витаутович щелкнул пальцами.

– Именно!

– А у футболистов зарплата по три тысячи... Воруют?

Витаутович плотоядно улыбнулся.

– Если ваш начальник начнет хвататься за свое место – сто процентов! – Он посмотрел, прищурившись. – Одного я не понимаю, на кого вы собрались его менять и каким образом?

Слова сами сорвались с губ:

– На вас.

Он чуть чаем не подавился. Поставил чашку и рассмеялся.

– Ты серьезно?

– Совершенно серьезно.

– Чтобы ловить воров, есть специальное ведомство. Не мое. Да и я давно на пенсии. К тому же в футболе я мало что смыслю.

Неужели все-таки талант не подействовал на одаренного? Поразмыслив немного, Лев Витаутович сказал:

– Ладно. Обещаю подумать, если ты скажешь, зачем это мне.

Слова столпились в голове, начали возмущенно толкаться, и я выпустил их:

– А ведь действительно – зачем? Зачем я играю в футбол, где все покупается и продается, когда мог бы колотить бабло на боях без правил? Зачем учитель снова и снова объясняет геометрию туповатому ученику? Зачем врач лечит больного, который все равно умрет? Зачем милиционер ловит вора? Иногда ведь выгоднее его не ловить. Понимаете?

Витаутович положил подбородок на сцепленные пальцы.

– И?

– Если от вас зависит, чтобы мир стал лучше и справедливее – это не «зачем мне», а «для чего». Я хочу и умею играть. И могу вывести нашу сборную в чемпионат, и знаю, для чего это: чтобы сотни миллионов советских граждан почувствовали нашу силу. Они не могут сами сделать что-то великое, но могут – через нас.

Речь была так пафосна, что под конец во рту стало сладко. С такой только с трибуны выступать, выбивая финансирование. Витаутович усмехнулся, съел конфету.

– Ты хороший человек. Твое рвение похвально. Я подумаю.

Все-таки дар убеждения не сработал. Попытавшись понять, чего он хочет в данный момент, я услышал привычный белый шум.

В итоге на экспресс я не успел, и домой ехал на последней электричке «Лиловск – Михайловск», отправляющейся в 23.15. В здании вокзала еще раз набрал Жеку – он не ответил. Игнат тоже отморозился. Только я собрался убирать телефон, как он завибрировал. Звонил Лев Витаутович.

– Я подумал, – сказал он. – Нужно обсудить вопрос с вашим тренером.

– Так вы согласны? – невольно улыбнулся я.

– Этого я не говорил. Скинь контакт – разберемся.

Он прервал связь. Все так же улыбаясь, я набрал Димидко, сказал, что нашел начальника команды, это человек серьезный, и предупредил, что он скоро позвонит.

Номер Тирликаса я отправлял Димидко уже в теплом вагоне электрички.

Вообще странный человек Лев Витаутович. По сути бээровцы – верхнее звено пищевой цепочки, но у Льва Витаутовича не было ни «чайки», ни «волги-кросс», и уж куда ему до роскоши, в которой жил Погосян в Москве. На первый взгляд обычный пенсионер, довольствующийся малым, а поди ж ты – бээровец. Как говорится, выше только бог. И Горский. Или они все такие идейные, и сам Горский формирует эту особенную касту? «На службе Родины» – для них не пустой пафос.

Распрошу его об этом позже – что толку голову ломать?

Откинувшись на мягкую спинку кресла, я зевнул. В электричке тепло, пахнет хвоей. Колеса не стучат, а мерно шелестят, убаюкивая...

Так! Не спать!

Мотнув головой и отогнав дрему, я снова открыл турнирную таблицу. Вторую лигу разделили на три зоны. Мы играем в зоне «Запад», по круговой системе, с апреля по ноябрь. В турнире двадцать две команды, сорок два тура. Первый наш матч с «Волынью» в Луцке. Второй – 10 апреля с лиловским «Динамо», и опять в гостях. Третий пройдет у нас 17-го апреля с «Динамо» из Нальчика, и четвертый снова у нас 20 с ульяновским «Стартом».

Взгляд натолкнулся на знакомое название крылатой команды, которая все не может взлететь – саратовский «Сокол».

Я уже знал, что с ними мы играем 6 мая в гостях, но промотал таблицу, чтобы еще раз убедиться. Да, так и есть. Я приеду в родной город Звягинцева. В голове пропел Микроб голосом Кипелова: «Там все живы, кто любил меня»... Так ведь и есть: и мама жива, и даже бабушка, и Алена. При мысли о ней сердце заколотилось, и я усмехнулся.

Оно живет жизнью, отдельной от головы. Может, и с девчонками у меня не клеится, потому что есть Алена. И ведь знаю, что это женщина Звягинцева, а не моя, и что даже думать о ней не стоит, но... Сердце – бестолочь. Или даже не так. Коктейль из дофамина, серотонина и окситоцина, вырабатывающийся при мысли о ней и заставляющий сердце частить, – суть эндогенный морфий.

Вот какого хрена мне так хочется открыть ее страницу в Комсети? Зачем ворошить мертвое прошлое? Я представил, как прихожу к Алене, как она непонимающе смотрит на меня,

восемнадцатилетнего пацана, жалеет желторотика, который что-то лопочет о высоком. Тьфу! Я ж не Макрон.

Или, может, отпустит, если увижу Алену, и надо закрыть гештальт? Познакомлю ее со Звягинцевым, пусть будут счастливы. Ну а нет – так нет. По крайней мере ни о чем сожалеть не буду.

Да, так и сделаю. Пока не знаю как, но – обязательно сделаю. И на бабушку с мамой посмотрю хотя бы издали.

В углу экрана мигали два непрочитанных сообщения. Одно от Маши-Ани из Евпатории, которая обворовала нас по приказу хозяина бара, а потом перешла на светлую сторону. Ответил ей, что все у меня хорошо, буду играть в новой команде.

Второе сообщение удивило. Оно было от Лизы. Девушка извинялась за то, что познакомил меня с Ариной, и писала, что, если бы я пострадал из-за ее папика, то она бы себе этого не простила.

Я представил Лизу, и рьяный боец ее одобрил в своей манере. А разум – нет, потому что я вообще не понимаю, что творится в ее прелестной головке. Иногда она ведет себя так, словно я ей небезразличен, но через час начинает демонстрировать полное равнодушие.

Я написал ей: «Неужели тебе и правда не все равно, если вдруг весной моя брэнная тушка всплывет из-под льда?»

Она ответила: «О, ужас! Утопленники крайне неприглядны».

Мы на английском перекинулись парой шуток о неэстетичности смерти, и Лиза пообещала прийти на мою игру, когда она будет в Москве. Все в той же шуточной манере я попросил взять симпатичных подруг для парней.

Закончив переписку, снова представил Лизу и поймал себя на мысли, что к ней меня тянет больше, чем к кому бы то ни было. Наверное, потому что все непонятное влечет. И красивое.

На ней короткое серебристое платье, подчеркивающее идеальные ноги. Руки и все части тела к ним так и тянутся. Она улыбается, жестом зовет за собой, и я знаю зачем. Меня охватывает вождление...

И тут вдруг кто-то хлопает по плечу. Я распахиваю глаза и вижу перед собой мужчину в черном, с сизым лицом и впальми глазами, обведенными черными кругами.

Меня охватил какой-то первобытный ужас, я оцепенел, уверенный, что в руке, отведенной за спину, незнакомец держит шприц. Или нож. Или пистолет. Сунув телефон в карман, я вскочил, толкнул его – он отлетел и упал на свободные сиденья напротив – и рванул к распахнувшимся дверцам электрички, достигшей конечной станции.

– Охренел? – донеслось в спину.

Бежать! Скорее, пока он не бросился в погоню!

Дверцы напоминали две гильотины. Замешкаешься – перережут пополам или ногу отхватят. Я пулей вылетел на мороз, обернулся, увидел черный силуэт в вагоне и рванул прочь. Загрохотал голос диспетчера, объявляющего прибывающий поезд.

У этого, в черном, наверняка есть подельники, как те, что караулили меня в Лиловске. Меня затрясло, я оббежал старуху на перроне, остановился, увидев группу людей при входе в вокзал, и недолго думая прыгнул на колею и рванул по шпалам не разбирая дороги. Мне было все равно, куда бежать, лишь бы подальше от опасности. Вдоль рельсов, вдоль бетонной стены, под непонятный все нарастающий рев и скрежет.

За спиной загудел локомотив, и меня охватила паника, потому что бетонный желоб все тянулся, и тянулся, и тянулся. Заскрежетали тормоза. Если состав грузовой, то у него длинный тормозной путь, и...

Бетонный желоб закончился, я прыгнул в сторону, не успел сгруппироваться и приложился ребрами о рельсы параллельной колеи. Дух вышибло, но пуховик смягчил удар, и я ничего не сломал.

Скрежеща тормозами и сигнала, мимо прогрохотал локомотив. Мелькнула мысль, что меня посадят за создание аварийной ситуации, и я по шпалам побежал к реке. Увязая в сугробах, я спускался в заросли, подальше от людей, желающих меня прикончить, от ревущих составов.

Упершись в непролазные дебри, я сел прямо в сугроб. Что со мной происходит? Это горячечный сон? Всё как будто бы пытается меня убить. В реальности так не может быть!

Только сейчас, когда я сформировал запрос, пришел ответ: задремав в поезде, я обнулил талант и активировал дебаф: стал худшим в мире смельчаком. То есть я – самый трусливый человек на земле!

От осознания меня охватил ужас. Каждый звук, каждая ветка дерева и каждая тень излучали враждебность. Из сугробов на меня смотрели страхи детства, и желудок леденел и сжимался.

Чертов откат! Тот мужик в поезде просто разбудил меня на конечной остановке, а я напридумывал невесть чего! Хорошо хоть не покалечил его.

Нужно как-то попасть домой, иначе я тут или околею насмерть, или меня накроет паника по пути, и я попаду под колеса, как только что чуть не угодил под поезд.

Воображение нарисовало размазанное по рельсам тело, и меня сковал ужас, вытеснив все мысли. Несколько минут я смотрел свои жуткие фантазии и трясся, обливаясь холодным потом.

Разозлившись на себя, я ткнулся лицом в сугроб и ненадолго обрел способность мыслить ясно. В этот раз последствия отката превзошли пользу от таланта, я реально мог погибнуть! Раньше мне просто везло.

Та-ак. Что делать? Я недееспособен. Правильнее всего позвонить парням и попросить, чтобы забрали меня. Похлопав по карманам, я не нашел телефон и выругался – громко и витиевато. Наверное, в поезде выпал из кармана. Черт!

Представив, как иду домой, я от страха на минуту потерял разум, а когда он вернулся, продолжил размышлять.

Ночь выдалась морозной, – 5 точно есть, а на мне не сказать чтобы теплые джинсы и туфли. Ног я уже не чувствую – в них напал снег, когда я пер сквозь сугробы, и растаял.

Если останусь здесь, получу обморожение, а то и замерзну насмерть. Но стоило подняться на ноги, как перед глазами появлялись чудовищные машины с выпученными фарами, люди, поезда, и меня парализовывало.

Раз помочь мне некому, надо выкручиваться самому. Но как?

Будто подсказывая, по груди разлилось тепло. Я потянулся к нему скорее инстинктивно, желая согреться, и солнышко в груди разгорелось ярче, побежал по артериям расплавленный огонь, разгоняя липкую муть, туманящую разум.

Живу я в десяти минутах ходьбы от вокзала. Нужно пересечь пути... Чернота извне хлынула внутрь, но я удержал сияющее солнце. Вытащил окоченевшую ногу из сугроба и по своим следам выбрался к путям. Только бы поезд не поехал! Не знаю, смогу ли от него не шарахнуть.

Двигался я вдоль путей, не отдаляясь от лесистого склона реки, и почти не видел, что происходит вокруг, сосредоточенный на внутренних ощущениях. Все силы уходили на то, чтобы не дать солнцу угаснуть.

Но когда я приблизился к переходу через железную дорогу и увидел на стоянке проблесковый маячок, меня снова накрыло: за мной приехали менты! Юркнув в кусты, я там неопре-

деленное время брал себя в руки, а когда нашел силы вылезти, эта машина уже уехала, и я перебежал на ту сторону, углубляясь во дворы.

Два раза, увидев издали людей, я от них прятался, теряя контроль над собой и сбиваясь с пути. Но все-таки полуживой и замерзший, доковылял до нашего дома. Полчаса тряся, боясь войти в подъезд, потом все-таки вошел, но в лифте воспользоваться так и не смог, взбежал по лестнице, нажал кнопку звонка.

За дверью завопили, донеслись шаги – видимо, потеряв меня, парни не спали. Который, интересно, час? Распахнулась дверь, и я увидел Погосяна, за ним маячили Ромка Клыков и Микроб.

Мика очень матерно поинтересовался, где я шлялся, посторонился, впуская меня в квартиру. Помня о своей фобии, я просочился в комнату спиной к зеркалу.

– Саныч все морги обзвонил, все больницы, – с укоризной сказал Микроб. – Он тебя распнет.

Я помотал головой, понимая, что еще немного – и снова стану всего бояться.

– Клыков знает, – сказал я. – Он объяснит, что бывает, когда я перенервничаю. В этот раз сурово накрыло. Паническая атака.

– Эт че? – спросил Микроб.

Видимо, в этой реальности более счастливые люди не страдали от панических атак.

– М-мне спать. Санычу скажите, чтоб не трогал. Пусть отложит казнь. Реально чуть не сдох. Телефон потерял...

– Его уже вернули, – сказал Хотеев-Микроб. – Он у Саныча.

Скинув одежду, я протопал в комнату и упал на кровать. Силы закончились, и меня вырубил. Но и во сне покоя не было: сперва за мной гонялся лицехват из фильма «Чужой», чтобы отложить личинку в легкие, потом жрал спрут, и я медленно переваривался в кислоте. Наверное, я орал, потому что меня будили, но проснуться не получалось, я снова и снова проваливался в сон, один мучительнее другого.

Проснулся я по будильнику. Точнее вскочил и заметался по комнате, едва не зашибив Клыка – он отошел и вжался в стенку. Вдохнув и выдохнув, я сел, сжал голову руками.

– С тобой все нормально? – осторожно спросил Клык.

Я помотал головой, сел, сосредоточился, пробуждая солнышко и разгоняя свет по жилам. Полегчало. Но на тренировку однозначно нельзя. Вдруг втемяшится, что мяч хочет меня уничтожить, буду бегать от него по полю и орать.

– Может, скорую? – предложил Клык.

В разум тотчас ввинтился вой сирены, в квартиру вбежали люди в белом, скрутили, привязали к кровати... Психбольница... Уколы... Электрошок...

Я скрипнул зубами, но удержал контроль. Встал и нашел силы, чтобы выйти в гостиную, где Сан Саныч пил молочный коктейль.

– Что это было? – строго спросил он, наградив меня расстрельным взглядом и поманив к столу.

Когда я подошел, он оттянул мне веко и долго рассматривал глаза.

– Ты точно ничего не употреблял?

Ах вот оно как! Что ж, симптоматика похожа на перебор галлюциногенов.

– Я даже не пью.

Он, конечно, не поверил, как и не поверил в нервное истощение. Прочитал лекцию о вреде наркотиков и пригрозил выгнать из команды, если такое повторится.

Я оправдался еще раз:

– После сильного потрясения, или когда выложусь по полной, я истощаюсь и могу вести себя странно. Если не верите, можно ведь сдать кровь и проверить наличие психотропных веществ.

Скользнув взглядом по лицам парней, я понял, что не верит мне не только Саныч.

– Саня, ну зачем ты врешь? Съешь, вон, пирожок, полегчает.

Пирожок казался безвкусным, чай – тоже, потому что я держал под контролем внутреннее солнце, а на все внешнее меня не хватало.

– Все через это проходили, – признался Димидко. – Помнится, в десятом классе друг принес упаковку галоперидола, сказал, давай мультики смотреть. Мы съели по четвертинке таблетки – ноль эффекта, по половинке... по целой, по две... Я поехал домой, и в автобусе накрыло: у меня начал вываливаться глаз, выпал, повис до земли на нерве, я его поднял, затолкал назад, только вставил в глазницу, как стал вываливаться язык. Я его туда, а он оттуда. Длинный, сука, в руки не влезает...

Клык заулыбался. Микроб и Погосян заржали, падая на маты. Отсмеявшись, Погосян сказал:

– Представляю, как ты смотрелся, Саныч!

Микроб схватился за глаз и вывалил язык, и Мика снова покатился со смеху.

Подождав, пока они утихнут, Димидко продолжил:

– Попал под капельницу, и с тех пор – ни-ни. Надеюсь, ты выводы сделал? Хоть отпустило, или нужна «скорая»?

– Отпустило, – кивнул я.

– Сиди сегодня дома. Какой из тебя игрок?

Что ж, его подозрения вполне объяснимы: в прошлый раз во время отката я нес лютую белиберду.

И как же здорово, что мы не на соревнованиях, и мне необязательно куда-либо ехать или лететь, самолет или поезд я точно не пережил бы. Только сейчас до меня дошло, что, применяя «лучшего в мире», я хожу по лезвию. Если не повезет, я могу убиться, подавиться насмерть, рассориться со всеми на свете, совершить непоправимый неадекватный поступок. Могу стать подлецом, социопатом, маньяком.

Представил последствия – чуть не поседел. Еще и Димидко думает, что я торчок, и настроен выгнать из команды, потому что наркоман ему ни к чему, каким бы самородком он ни был.

Все разошлись. До обеда я держался молодцом, а потом в квартире наверху что-то хлопнуло, донесся легкий шелест, словно змея проползла, и в углу над кухней принялось скрестить нечто неведомое. Монотонно. С определенной периодичностью.

Что это может быть? Собака не будет делать это так долго, строитель не станет выдерживать временной интервал.

Ожили детские страхи. Неизвестный бука начал менять лица, и огромных усилий стоило не броситься из квартиры сломя голову, затыкая уши.

Никогда не буду применять «лучшего в мире» просто ради любопытства! Только в крайнем случае. Какой все-таки опасный талант!

Вечером вернулись парни. Димидко поднялся к нам и рассказал мне, что с ним связался Белькевич и пригласил на товарищеский матч в Лиловск. Еще девятнадцатилетний полузащитник, который ушел из-за голубого тренера да так никуда и не пристроился, вроде согласен играть в команде и завтра придет на просмотр.

На этом хорошие новости не закончились – завтра же должен приехать Лев Витаутович Тирликас, чтобы поговорить с начальником команды, Алексеем Смирновым, о передаче дел.

Глава 4. Нас приглашают только тогда, когда что-нибудь горит

На следующий день на тренировку я отправился вместе со всеми, трусцой да по свежему снежку! Как же, мать его, здорово просто быть нормальным! Я думал, вчерашний день выветрится, как страшный сон, но нет. Стоило чуть напрячь память, и волосы начинали шевелиться, страхи оживали, намекая, что такой болезненный откат – еще не самое страшное, что может со мной случиться.

Добежали мы за пару минут. Сбавили скорость, потому что возле стадиона «Северный», у самого входа, толпилась гопота, преграждая нам путь.

Я насчитал голов пятнадцать. Местные гопники мало отличались от привычных из моей реальности: черные шапки, штаны с полосками, пузырящиеся на коленях, сигареты и пивасик. При виде нас они загыгыкали, один запрокинул голову и хрипато изобразил петушиный крик.

С дороги они уходить не собирались.

– Саньч, глянь – петухи! – не растерялся Микроб.

– Ага, зоновскую жизнь вспомнили, – сказал Матвейч, останавливаясь и готовясь принять бой.

Димидко растерянно заозирался. Гопники обернулись к нам синхронно, словно стая рыб или птиц. Нет, скорее – как стая одичавших дворняг.

– Ты че-то сказал, урод? – Вперед вышел самый дерзкий, длинный, как карандаш.

Даже макушка у него была сплюснутой и заостренной, и шапка не скрывала дефект.

В принципе, мы могли бы вклиниться, прорвать оборону и юркнуть в ворота. Ничего бы нам они не сделали. Максимум – бросили бы вдогонку снежки. Но по законам собачьей стаи, если кто-то бежит – значит, это жертва, а жертву надо загонять.

Чтобы не стать объектом травли, нужно обозначить свое место в пищевой цепи, пусть на первый взгляд это и нерационально. С гопотой, у которой мышление коллективное, можно договориться, если удастся задоминировать вожака.

Ну а если все-таки придется драться... Их вдвое больше, но мы в тельняшках. Гопота обычно хилая и нетренированная.

Вперед порывался выйти Димидко, но я положил руку ему на плечо и выступил на шаг, представился гопникам:

– Я Саня. Какие-то предьявы, мужики?

– Ты кто ваще такой? – Вожак гопоты сделал шаг навстречу, надул пузырь жвачки.

Пузырь лопнул и залепил ему небритый подбородок. Гопник принялся оттирать его, но вспомнил, что надо выглядеть дерзко, бросил это дело. Было похоже, словно он ел сметану да не вытерся.

– С какой целью интересуешься?

Я думал, что этот мем неизвестен разве что в яслях, однако здесь он был не в ходу и произвел нужный эффект: гопник вытаращился и завис, как устаревшая и негодная версия андроида. Робота – не телефона.

– Петухи – это вы, – выкрикнули из толпы. – И тренер ваш – п...р!

– Петухи – те, кто кукарекает, так ведь? – ядовито улыбнулся я. – Это сделал кто-то из вас. А тренер наш – Александр Димидко.

Меня собрался поддержать Погосян:

– Логично, да, кукарека... – но я вскинул руку, заставив его замолчать.

Ни к чему накалять.

Вожак гопников отвис, витиевато выругался, сплюнул мне под ноги.

– Зашквар за вас ваще болеть!

Ах, вот они какие, наши болелы! Наша опора и поддержка!

– Разогнать к чертям, пусть новую команду собирают, – поддержали его из толпы. – Ноги переломать, нах!

Я уловил намерение, жоака: впечатать кулак мне в нос. Шагнул навстречу, смещаясь в сторону, перехватил поднимающуюся для удара руку, заломил за спину и подсечкой повалил гопника мордой в очищенный от снега асфальт. Приложился он неудачно, расквасил то ли нос, то ли губу, потекла кровь. Стая колыхнулась, готовая к прыжку. Наши встали спина к спине. Я собрался вырубить гопника, чтобы принимать остальных, и тут из-за спины донесся хриплый выкрик:

– Пацаны, ша!

Стая замерла. Наши обернулись.

К воротам вразвалочку шагал молодой глазастый парень с кукольным лицом, в черной куртке и шапке, со спортивной сумкой через плечо.

– Это нормальные мужики, – прокричал он гопникам. – Свои. Играть за город будут.

Поняв, что юноша у гопоты в авторитете, я отпустил жоака. Он вскочил, размазал по лицу кровь из разбитой губы и набылчился. Ко мне вернулась вера в бескровное решение проблемы. Ну, в относительно бескровное.

Юноша протянул руку Димидко:

– Здорово, Сан Саныч! Я Димон. Левашов. На тренью к вам иду. – Он потряс головой и улыбнулся, закатив глаза, обратился к гопникам: – Пацаны, это ж Димидко! Вы че, берега попутали, а? Охренеть, я руку день мыть не буду!

Он растопырил пятерню, которую только что жал Димидко. Гопота загудела. Жожак ретировался, и вперед выступил невысокий парень с лицом, покрытым шрамами от прыщей, будто лунная поверхность – кратерами. Черные глаза его сияли.

– В натуре – Димидко! Вы это, зла де держите, да?

– Они нормальные мужики, – поручился за нас Левашов. – Хоть бы у меня спросили. Так нет же, роги в землю и – му-у-у!

Левашов посмотрел на меня и вдруг распахнул синющие глаза еще шире, словно ему явился призрак Яшина:

– Итить-колотить! Нерушимый! Ба-а-а! Па-ца-ны! Сфоткайте меня вот так, с Димидко и Нерушимым.

Он втиснулся между нами с важным видом, гопники принялись его фотографировать.

Я почувствовал себя обезьянкой – с нами фотографировались, руки нам жали, у Димидко просили автограф, у меня на всякий случай тоже. Гопники окружили нас, стали жаловаться на Филимонова и желать удачи на поле. А Левашов бегал между всеми и, захлебываясь от восторга, тархтел:

– Нерушимый – ваще терминатор! Я бой его смотрел. Тот ему – в горло зубами! А этому хоть бы хрен! А как он того черта красиво завалил! Н-на! – Он изобразил бросок через бедро. – Песня! А вы, дебилы, на такого кента рыпнулись! Да он бы вас порвал! Офигеть, с кем я играть буду! – Он восторженно выдал витиеватое ругательство.

– Мужики, у нас тренировка, – объявил Димидко, постукивая по часам, и мы направились в раздевалки.

Я издали заметил внедорожник начальника команды, Лехи Смирнова, припаркованный у основного спорткомплекса. Хотя нет, люди его ориентации Лехами себя не называют. Они Алексы и Лексусы.

Микроб кивнул в сторону машины.

– О, никак Смирнов прощаться с нами приехал!

Новенький Левашов сразу сообразил, в чем дело, сплюнул и процедил:

– Этот-то – прощаться? Ха! Да его бульдозером с места не сковырнешь. Присосался, как клещ. Развел голубятню, а нормальные тренеры только его увидят – валят. Что вы приехали – ваще чудо.

– А может, он не к нам? – предположил Погосян, открывая дверь в приземистое здание.

Там были раздевалки и вместо тренерской – пыльный конференц-зал, где мы обычно собирались.

Ответ на его вопрос пришел сразу же – из-за двери высунулась голова Смирнова. Увидев нас, он вылез весь и сказал совершенно безэмоционально:

– Александр Александрович, зайдите, пожалуйста, дело есть.

Начальник команды остановил взгляд на Левашове, покраснел, раздул ноздри. Парень будто бы его не заметил, юркнул в раздевалку, за ним вошел я. Замыкал шествие Гребко. Далеко от двери мы уходить не стали, наострили уши.

Левашов сел переодеваться и нецензурно призвал лишить жизни лицо нетрадиционной ориентации. Стянул шапку... Захотелось заржать. Внешность у него была ангельская: желтоватые кудри, огромные васильковые глазища, губки бантиком – и повадки заправского гопника. Более дисгармоничное сочетание сложно представить. Это как если единорог захрюкает, ну, или жаба запоет оперным голосом.

Секундный ступор прошел, и я сосредоточился на том, что происходило между начальником команды и Димидко. Слов было не разобрать. Смирнов монотонно шелестел, словно ползла змея, в голосе Димидко читалось возмущение.

Сообразив, что ничего не услышим, мы сели на лавки и принялись переодеваться. Судя по обуви, стоящей возле шкафов, местные уже были в манеже. Только запоминающихся казаков Дятла не наблюдалось. Опаздывает или надел другую обувь? Саныч специально тренировку перенес с девяти на десять, чтобы Дятел-Дрозд успевал выпорхнуть из-под крылышка женушки. Ну, или из-под каблука вылезти и приехать сюда из Москвы.

Саныч вернулся минут через пять, мы как раз переоделись.

– Вот сука, – процедил он, повернувшись к двери.

Замахнувшись, хотел пнуть стену, но передумал – еще развалится.

– Что? – поинтересовался Колесо. – Смирнов увольняться не хочет?

– Сука, ведет себя так, словно того разговора и не было! А мне до того два раза говорил, мол, отвалите, увольняюсь. Предъявы кидает, что-де автобус в понедельник занят. Все автобусы заняты! И как мы на матч поедем? На электричке? Чтобы озлобленные болелы нас встретили и ноги нам переломали?

– Это он вас так воспитывает, – сказал Левашов. – Как баба. Типа, что без него вы никуда. А я, вот, такой хороший, в последний момент все и решу.

Димидко развернулся ко мне и сказал:

– И что делать? Этот Тирле... как его... Лев, короче, приезжает в двенадцать. А Смирнов заднюю включил! Звонить этому твоему, чтобы не ехал?

Я вытащил телефон, но Димидко сжал мое плечо.

– Сам наберу. Он ведь со мной договаривался. – Помолчав немного, он добавил: – Не даст этот Смирнов нам нормально работать.

– И никак его не уволить? – прошептал расстроенный Микроб и включил борца за справедливость: – А если мы все напишем, что отказываемся от него? Бойкот объявим!

– Ага, и митинг с транспарантами, – подал голос Клыков.

– Пойдем на фиг дружным строем, – вздохнул Мика Погосян, воздел палец: – Бюрократия!

Гребко огляделся, нет ли кого лишнего, и прошептал:

– Местные не напишут. – В его голосе от возмущения прорезался украинский акцент.

– Круговая порука мажет, как копать, – процитировал Микроб «Наутилус», и у меня в голове запустился проигрыш.

Песня, так подходящая к случаю, заиграла, как наяву. «Здесь брошены орлы ради бройлерных куриц». Уже и правительство такое, какое должно быть в идеале, и одаренные на местах, и самородки, которых еще Стругацкие предсказали и назвали люденами, – что не так с моей страной? Что с людьми не так?

Димидко поскреб в затылке и заключил:

– Уволить его мы не можем, он с директором завода вась-вась. Ему свой человек нужен, который с руки жрет. Будет брать нас измором, а мы – его. Да я его жалобами во все инстанции задолбаю!

– А мы подпишем! – поддержал его Микроб.

– Вот и я о том же! Не даст работать! – поддакнул Левашов. – Вцепился в кресло.

– В чемодан с деньгами, – проворчал Колесо. – Сука гнилая и жадная!

Похоже, почетное звание суки от Гришина перекочевало Смирнову.

Димидко показал телефон, намекая, что нужно сделать звонок.

– Давайте, парни, на манеж. Позвоню все-таки нашему несостоявшемуся начальнику.

Разогревайтесь пока.

Я выругался. Получается, зря Витаутовича дернул, неудобно получилось. Надо будет извиниться. Димидко все ждал, когда мы уйдем, а я представлял лицо Льва Витаутовича в момент, когда он услышит, что отбой тревога. Он-то уже, наверное, все спланировал.

Древний был на месте. Левашов рванул к Гусаку, пожал его руку и принялся здороваться с ветеранами. Увидев нас, Древний свистнул и указал на поле, мы построились. Я окинул взглядом футболистов. Да, Дрозда-Дятла среди них не было. А значит, сегодня Дрозд получит дрозда от Сан Саныча.

– Побежали! Греемся! – продребезжал Древний.

В манеже, хоть он и обогрелся, вряд ли было больше десяти тепла, и движение согрело. Матвейч, возглавляющий строй, рванул вперед.

Мы пробежали три круга, когда появился Димидко вместе с Дроздом, оба выглядели озадаченными. Саныч хлопнул Древнего по спине, кивнул ему и прокричал:

– Традиционная разминка. Челночный бег! – Свисток. – Бег высоко поднимая колени! – Свисток. – Приставной шаг.

Бывший динамовский балласт знал, что за чем последует и сколько это будет длиться, титановцы не всегда разбирали, что он кричит, сбивались, повторяли за нами.

Сразу за мной бежал Левашов. Хорошо бежал. Благородно. Даже не запыхался за пятнадцать минут, в отличие от ветеранов.

– Разбились по парам, отработка пасов, – скомандовал Димидко. – Нерушимый, Васенцов – на ворота.

Я не сдержал любопытства, подошел к нему и спросил:

– Что Тирликас?

– Поздно. Он уже в городе. Скоро будет здесь.

– Хана Смирнову, – улыбнулся я и побежал к воротам.

Похоже, Тирликас – как каток, если разгонится, остановить его сможет разве что пушечное ядро... Нет, ядерная боеголовка. Или Лев Витаутович идет не по душу Смирнова, а по мою? Значит, приму удар. Да что толку гадать, работать надо!

Когда я пришел, Васенцов уже постелил маты для падений и сказал:

– Клевые приемы. Реально помогают, когда ты на воротах. Но, блин, ляжки еще болят.

– Пройдут, – сказал я и приготовился бить.

Так тренировались мы полтора часа. Я поглядывал на выход, чтобы не пропустить Тирликаса, и готовился к выволочке. Как он вошел, я прозевал. Обратил на него внимание, только

когда он уже разговаривал с Димидко. О том, что Лев Витаутович бээровец, я тренеру не сказал.

Беседовали они долго, наверное, полчаса. Тирликас не выглядел взбешенным, Сан Саныч вроде как даже приободрился. Чем все закончилось, предположить было трудно.

Как только прозвучал свисток, знаменующий обеденный перерыв, я догнал Димидко на пути в раздевалку и спросил:

– О чем вы договорились?

– Лев Витаутович настроен решительно, – улыбнулся Димидко. – Не ожидал от него такой прыти. К Самойлову, директору завода, собрался, но... Кто его пустит на прием без записи?

– Поверь, его – пустят, – усмехнулся я.

Потом мы гоняли двусторонку десять на десять. Как и раньше, Сан Саныч пошел играть за титановцев, и у них начало получаться! Левашов, хоть и не сравнится с Жекой, был очень и очень неплох. На фоне остальных титановцев так просто мастер: резвый, техничный, собранный. Короче, заверните двух. Еще бы парочку таких игроков, а лучше – семерых, чтобы заменить никуда не годных местных.

Быков удивил. Он старался. Просто из шорт выпрыгивал. Но получалось у него, как у слона в посудной лавке – все кеглями от него разлетались, но мяч отобрать он не сумел ни разу.

В пять собрались в конференц-зале и более-менее определились с позициями. На воротах я, моим дублером – доходяга Васенцов.

В центре защиты два дуба – Дятел и Быков. «Бык и Дятел, гроза нападающих», – пошутил Мика, но получил в лоб от обоих. Третьим центральным Саныч не мудрствуя лукаво воткнул Колесо, а дублерами – Иванова и Потупчика.

На края, как и в Евпатории, пошли Нюк и Микроб.

В полузащите: опорником Гребко, чуть выше слева Ромка Клык и справа – Дмитрий Левашов.

«Столбом» в атаку – Матвеич, а под ним игрок по фамилии Плеймейкер, больше известный как Микаэль Погосян. Не так все и плохо, как казалось поначалу. В понедельник у нас первое боевое крещение с командой Белькевича, который обещал нам горячий прием. За несколько дней нужно приложить максимум усилий, чтобы сыграть хоть как-то.

Узнав, что скоро товарищеский матч, Левашов, которого похвалил сам Димидко, скакал вокруг ослом из «Шрека» и фонтанировал восторгом. Сразу – и в основной состав! Не киснуть запасным! Сколько, говорите, за выход в Первую лигу? Двести тысяч? Обморок! На каждого? Раскрутейшая круть! Вот это фарт!

– Надо пацанам-болелам сказать, пусть с нами едут! – предложил он.

И Матвеич, поглядывающий искоса, как брызжет энтузиазмом наш юный коллега, не выдержал, шагнул к нему и уставился требовательно, уперев руки в боки.

– Придержи коней... Димон.

– А че, болелы помешают? – искренне удивился он.

Матвеич положил ему руки на плечи и сказал ласково:

– Слушай сюда. Если хоть кто-то узнает об этом матче. Если хоть один болела попрется с нами, я тебе шею сверну, понял?

Левашов попятился.

– Ты че это, а?

Димидко встал возле Матвеича и объяснил:

– Потому что их в Лиловске в лучшем случае покалечат, в худшем – убьют. Нас там очень не любят из-за Фили вашего. Гусак!

Парень подошел к нам, настороженно вытянув шею. Димидко продолжил:

– А также все михайловские. Если кто притащит болел – выгону из команды. Языки держим за зубами. Все всё поняли?

Ему ответило молчание.

Мы засобирались домой. Витаутович так и не появился. На звонки он не отвечал. Будь Тирликас обычным человеком, я бы подумал, что он влип в историю. Не став его дожидаться, мы отправились домой шумной толпой, источающей коллективную ненависть к Смирнову, покровителю голубых и коричневых.

У подъезда Колесо запрокинул голову и сказал:

– Та-ак. Кто последним выходил из нашей квартиры?

– Ну я, а шо? – отозвался Гребко.

– А вон, свет горит. Забыл выключить, брат.

Гребко махнул рукой:

– Фигня. Газ-то не забыл.

Сперва в лифт погрузились ветераны и Димидко. После них – мы, молодняк. Молчаливый Клык поделился, глядя, как закрываются дверцы:

– Не понравился мне этот Левашов. Шумный. Башка от него болит.

– Зато играет, – сказал Погосян. – Нормальный пацан, простой, без гнилья.

– Тупой, но да, без гнилья, – вынес вердикт Микроб.

Да, вел себя Левашов вызывающе, рука так и тянулась, чтобы дать ему затрещину, но не это главное. Главное – у нас есть толковый полузащитник!

Едва мы ввалились в квартиру, как мне позвонил Димидко и выпалил взволнованно:

– Парни, спускайтесь ко мне. Разговор есть.

– Что еще за разговор? – насторожился Микроб.

Но Димидко уже отключился, и пришлось спускаться. Дверь была открыта, мы ввалились в гостиную и оторопели: за столом, вертя на пальце связку ключей, сидел Лев Витаутович, попивая чай с конфетами «Кара-Кум». Димидко стоял, опершись о стену и скрестив руки на груди. Колесо и Гребко оседлали столовские стулья.

– Парни, знакомьтесь, новый начальник нашей команды, Лев Витаутович Тирликас.

– Только поднатаскайте меня, – сказал он таким тоном, словно был чем-то недоволен. –

Мало что понимаю в этом вашем футболе.

Впрочем, начальник команды не обязан разбираться в тонкостях игры. Его задача – решать вопросы, нагибать, доминировать и выбивать деньги, с остальным отлично справится Димидко, а Матвеич ему поможет.

Бээровец растянул в улыбке огромный рот, мелкие морщины расчертили щеки. Варан. Точно – сытый варан, который только что сожрал Смирнова и надкусил Самойлова.

Как говорится, *hoc signo vinces!*

То есть сим победиши.

Глава 5. Титаник плывет

Глобальный замес с лиловским «Динамо» планировался сегодня в шесть вечера. Наша первая игра обновленным составом, да еще и с таким соперником!

Сказать, что динамовцы на нас злы – не сказать ничего. Мы для них были, как колорадский жук для картошки, как окропляющий пес для подрастающего деревца. Если бы не звонок нашего нового начальника команды, Льва Витаутовича, куда следует, чую, болелы устроили бы нам суд Линча, и хлебнули бы мы собственной крови. А так всего лишь хлебом дерьма, так сказать, очистив карму «Титана».

Пока еще не слишком сплоченная команда грузилась в бело-синий автобус, мордой напоминающий кита. Помимо футболистов и Димидко, с нами ехал Петр Казимирович по прозвищу Древний и Лев Витаутович, сосредоточенный больше обычного.

Его присутствие было необязательным, но он решил проникнуться футбольной атмосферой.

Хотя от этой игры мало что зависело, у Димидко с утра все валилось из рук, ведь это его старт как самостоятельного тренера. Матвеич, молодец, теперь мотивировал его так же, как когда-то Саныч накачивал нас.

В общем, нервозность передалась всему основному составу, в том числе Левашову, взятому полузащитником – высокому плечистому гопнику с васильковыми глазами и внешностью Леся. Как утверждал Левашов, когда Филимонов как бы случайно зашел к нему в раздевалку, он не просто обматерил Филю, но и дал ему в бубен, после чего был изгнан со скандалом и волчьим билетом как склочный и безответственный футболист. Ну, а поскольку он был вхож в тусовку футбольных фанатов, превознесение «Титана» они обратили в ненависть.

Помимо лиловского «Динамо», Димидко удалось договориться еще с двумя командами, правда, из Второй низшей лиги, которым с нами нечего было делить: с пензенскими «Мебельщиком» – на двадцать седьмое февраля, и «Энергетиком» – на пятнадцатого марта. Причем оба матча планировалось провести в Михайловске.

Утром Сан Саныч нас расставил по полю и долго напоминал наши задачи: не суетиться, держать позицию, пасовать ближнему и, конечно, беречь мяч. Потом собрал в том же маленьком конференц-зале и объявил, что состав лиловского «Динамо» изменился, там половина молодых никому неизвестных игроков, которых Белькевич нашел в маленьких городках и селах, и стратегия команды неизвестна.

Зато известна излюбленная манера игры Валентина Николаевича: прессинговать нас на каждом участке поля, не давая продышаться, и убегать в быстрые контратаки. Все, как завещал незабвенный Лобановский.

И вот мы в автобусе.

Сидящий рядом со мной Микроб хмурился, глядя в окно, сосредоточенно жевал жвачку. Наверное, созерцая проплывающий пейзаж, он мысленно пел: «Поля, леса, небо и ручей». Я же отчаянно искал позитив и находил его. Мне нравилась ухоженность проезжей части и деревень, плавный ход автобуса, аккуратные латки припорошенных снегом полей. Нравились бетонные заборы новых заводов и заводиков. Страна жила. Шестереночки крутились. И, хоть не все было гладко, люди не ощущали себя брошенными.

До Лиловска мы доехали за час. Западная часть города была мне незнакома, я рассматривал новый микрорайон, билборды, напоминающие о грядущем 23 февраля, и с портретами местных тружеников.

Обогнув город, мы выехали на финишную прямую, и впереди замаячил спорткомплекс Центральный, расположенный на окраине, а далеко за ним был манеж с обогревом – такой же, как у нас, только не белый, а оранжевый. Там нам и предстояло сойтись с лиловчанами в

смертельной битве. Я ни на миг не сомневался, что это будет скорее битва, чем футбольный матч.

Микроб напрягся, вытянулся, всматриваясь вперед.

– Кажется, нас встречают.

На парковке машин было поменьше, чем во время турнира в честь Павла Горского, но для спонтанного товарищеского матча их наехало просто невероятное количество. Народу тоже хватало, это были болелы с сине-белыми флагами, шапками и шарфами. У некоторых были транспаранты, туда-сюда расхаживал высокий парень с рупором, размахивал руками.

Но самым удивительным было живое оцепление.

Заводила болельщиков увидел наш автобус, проезжающий не на центральную, а на служебную стоянку во избежание эксцессов, заорал в рупор – все болелы повернули головы к дороге. Свист и вопли просочились аж в салон автобуса. Фанаты, и парни, и девушки, сперва ринулись к дороге, но омовцы развернули щиты, и волна схлынула. Болелы стали показывать автобусу неприличные жесты, растянули огромный плакат, где, запрокинув голову, голосил радужный петух.

«“Титаник” – на дно!» – было написано на другом транспаранте.

Надеюсь, они не будут закидывать нас помидорами или чем похуже. На таком морозе замерзшими помидорами и прибить можно, если по голове попасть.

– Вот же уроды! – возмутился Микроб, заерзал в кресле. – Что творят!

– Привыкай, малой, – проговорил Колесо, сидящий за нами. – На поле такие страсти кипят – сериалы отдыхают.

Он обернулся к сидящему позади Гребко и сказал:

– Помнишь, как мне во Фрунзе в глаз камнем прилетело? Реально играть не мог.

– Играть не мог, а по бабам пошел, – проворчал Матвейч.

– Так глаз в этом деле не мешает, – отшутился кореец.

Боковым зрением я заметил, как Колесо показывает болелам средний палец.

До начала матча оставался час. Мы неспешно переоделись, не забыв про термобелье, приготовили перчатки и шапочки, потом вышли на поле размяться. За четверть часа до стартового свистка вернулись в раздевалку, куда нас собрал Сан Саныч.

– Значит так, мужики, – довольно бодро вещал Димидко, – играем сосредоточенно! На трибуны не смотрим, не отвлекаемся. Особенно это молодежи касается, – он скользнул взглядом по нашим лицам. – Не забываем, что это просто товарняк.

Левашов, который держался увереннее всех, принял его предупреждение на свой счет, пожал плечами и пробасил:

– А я че? Мне ваще пох. Я гусь, в натуре, стреляный.

От диссонанса внешности и его манеры держаться невольно появлялась улыбка.

– Я тебя попрошу! Гусь здесь я! – возмутился Валера Гусак.

Если остальных, включая меня, будто бы прибило мешком по голове, Гусак вел себя дурашливо, паясничал и кривлялся, хотя Димидко не планировал его выпускать в поле.

Как же все-таки он похож на Витаутовича в юности! Наверняка поползут слухи, что это отец и сын. Или скорее дед и внук. Я повертел головой в поисках Витаутовича. Его с нами не было. Впрочем, не потеряется, Лиловск – его город.

Только сейчас пришло осознание, что для меня и Погосьяна это первый настоящий матч с болельщиками и судьями. Одно дело друг с другом мяч гонять, другое – полный стадион зрителей, выкрики, проклятия. Впрочем, полный стадион я уже видел два месяца назад здесь же. Не растеряюсь, а вот ребята – могут.

Это только кажется, что нет ничего проще футбола: бей – беги – бей. А ни фига. Управлять командой сложнее, чем дирижировать оркестром, потому что каждый инструмент имеет

свой характер, свои проблемы. Получил футболист раздолбеж от жены – загрустил – начал ползать по полю. Возник у кого-то после травмы страх мяча – и все, дыра в защите/нападении.

Тренер должен быть еще и психологом, ведь деморализованная команда играть не способна.

От центрального спорткомплекса до манежа было метров триста. На служебной парковке нас погрузили в электрокар и повезли к манежу. Впереди ехал еще один электрокар, с командой соперника. Болельщиков на дороге не было, все уже заняли места на трибунах.

Когда подъехали и начали выгружаться, я понял, что на трибунах не все. При входе в манеж тоже стояли омонцовцы, потому две группы болел, выстроившись в коридор позора, свистели, орали, потрясали кулаками. Один парень, похожий на болезного помоечного котенка, вылез вперед и попытался до нас доплюнуть, но сделал это против ветра, и слюна вернулась, повиснув на подбородке. Если бы не менты, нас разорвали бы, и наши с Витаутовичем таланты не спасли бы.

Впервые за много-много лет я испытал дикое нежелание идти в манеж. Проснулись страхи первоклассника, которому нужно пробраться мимо пьяных подростков.

Похоже, все ощущали нечто подобное, мялись у электрокара. Я вскинул подбородок и пошел первым, глядя перед собой. Беснование болел слилось в сплошной фоновый гул.

Внутри манежа, хоть трибуны и гудели, стало полегче. Оранжевый купол приумножал солнечные лучи, и поле заливало рассеянным теплым светом, отчего все лица приобретали морковный оттенок, и таким же цветом отливала форма. У нас она была серебристо-белой, у динамовцев – бело-голубой, и, чтобы отличаться, мы переоделись в красную.

Обе команды высыпали в поле, расселись на свои скамейки запасные. Димидко подошел к Белькевичу, тот нехотя ответил на рукопожатие. Левая рука у него оставалась полусогнутой, и, да, он подволакивал левую ногу. Я напрягся, но, видимо, зря: тренеры быстро нашли общий язык, что вызвало недоумение динамовцев, зыркающих на нас по-волчьи.

Я поискал взглядом Льва Витаутовича, нашел его среди зрителей в первом ряду.

Заняли свои места боковые судьи, презрительно называемые махалами, появился главный арбитр, лысоватый мелкий дядечка в черной форме. Как все по-серьезному! И трибуны почти все заполнены. Прямо не товарняк, а серьезное противостояние.

– Приветствие команд! – сухо напомнил судья. Постоял, посмотрел, кивнул своим мыслям. – Ну, как хотите.

Прозвучал длинный свисток. И игра понеслась.

Первым делом выяснилось, что у нас в команде не хватает игроков. Наш «столб», Матвейч, не успевал назад, да и вскоре перестал стремиться. Он растерянно смотрел, как юркие динамовцы, которых на скоростях казалось больше чуть ли не в два раза, сначала заполнили собой весь центр поля, а потом поджали защитников чуть ли не в ворота. Погосян метался вокруг Матвейча, что-то орал. С ворот видно не было, но наверняка Мика пытался вступать в единоборство, но проигрывал. Когда динамовцы дали пас назад, Матвейч включился, чуть коснулся противника, и тот покатился по полю со страдальческим лицом.

Я встал на цыпочки, чтобы рассмотреть, что там, за спинами. Неужели нам – «горчичник»? Или просто штрафной? Таки да, желтая карточка.

Красный, как рак, Димидко метался вдоль поля, размахивая руками. Но что он мог доказать? Если судья не хочет видеть симуляцию, он ее и не увидит.

Наши выстроились перед воротами, закрывая обзор. Противник рассредоточился. Я приготовился. Штрафные, разыгранные через комбинации, для меня были хуже, чем предсказуемые пенальти, когда я считывал желание игрока.

Пас!

Динамо разыграли комбинацию, наши заматались по полю, не успевая и проигрывая единоборства. Контролирующий центр Гребко снова стал шарахаться от мяча.

Крайние, которым бы выбраться из-под прессинга, рвануть вперед, навесить, отступали в штрафную, а бело-голубые футболки мелькали уже совсем рядом. В какой-то момент я просто не видел своих – «динамики» стояли стеной во вратарской. И вдруг они разом подняли руки и заорали в восторге. Это как? Это откуда? В углу ворот лежал мяч.

Но ведь наших передо мной не было – значит, вне игры. Так?

– Судья! Вне игры! – закричал я.

– Офсайд! – орал с края поля Димидко.

Судья улыбался и четко указывал на центр. 1:0 в пользу хозяев.

Только ввели мяч в игру, сделали один пас вперед – и перехват, тут же заброс в зону нашего правого крайнего, Ньюка. А он не бежит, сука, он идет! И его просто оббежал, как стоячего, динамовский «краёк».

– Держать! Линию держать! – крикнул я защитникам.

Но центральных оказалось вдруг не трое, а всего один. Двое, Быков и Колесо, кинулись на владеющего мячом динамовца, и тут же на его пас откликнулось нападение «Динамо». Выход трое в одного... Дятел заметался – без толку.

Поддача, удар... Я кинулся к мячу, летящему в «девятку», отбил его... И динамовский нападающий закатил его в левый угол. Я видел, как катится мяч, знал, куда он попадет, но просто не успел отреагировать: человеческое тело не приспособлено к таким скоростям.

Опять с центра поля. Сколько времени? Сколько еще нас будут...

Стоп, стоп – так нельзя! Да, пас со своей стороны поля, но их нападающий был вне игры! Он-то стоял на нашей половине!

Но боковой не поднял флажок. Судья не свистел, легкой трусцой обозначая движение в сторону моих ворот. А наши все просто встали. Потому что – чистый же офсайд. Ну?

Издавательски усмехаясь, динамовец обошел меня по крутой дуге, развернулся с мячом, ударил, целя в левый угол. Я прыгнул, понимая, что мяч полетел не туда, куда его направил футболист, а в центр. В последний момент выставил руку, но касание пальцев не остановило мяч.

И главное, главное, их больше! Или просто наши не играют. Бегают четверо: Клыков, Микроб, Погосян, Колесо. Левашов поначалу пытался, но, когда его сбили, плюнул. Матвеич тупил, не успевал. Где команда?

Витаутович закрыл лицо рукой. Как бы его энтузиазм не закончился с этим матчем.

Прозвучал свисток на перерыв. Отдышаться бы. А уже ноль-четыре.

В раздевалке летали бутсы, кричал разъяренный красный Димидко.

– Вы что, суки, сговорились? Да наш Казимирыч и то быстрее! Бегать надо, бегать!

– А смысл? – прогудел Быков. – Видите же, что нас топят. Только дотронешься до них – они падают...

– Вот-вот! – поддержал его Кошкин. – Пробегашь мимо – их воздушным потоком сдувает! А сами... костоломы, не футболисты.

– Угу, – продолжил Быков, – смысл на товарняке ломаться?

– Сам бы попробовал, – прогундел вечно недовольный Синяк.

В принципе, ветераны правы: игра была нечестной, и мы ничего не доказали бы даже себе. Но ведь мы здесь для того, чтобы отрабатывать взаимодействие!

– Что? Кто? Убью гада! – вызверился на Синяка Димидко. – Поползни! Как мы играть в лиге будем? Так же? Быков – вон с поля!

– А кто вместо него? – мрачно спросил Матвеич.

– Я. Покажу, как надо.

Саныч закончил футбольную карьеру после серьезной травмы ахилла. Не хватало, чтобы он связки порвал.

– Сан Саныч, – попытался вставить я пять копеек, остановить его, но он так посмотрел, что стало ясно: бесполезно.

Матч товарищеский. Замены не регламентированы.

– А ты молчи! Вратарь... – Он задумался, потирая подбородок. – Иди-ка ты, Саня, на скамейку. С тобой все ясно, от тебя сейчас мало что зависит! Пусть, вон, Васенцов постоит, потренируется!

Лёня вытаращил глаза и побледнел, ссутулился, съёжился, будто бы желал врасти в землю.

Я сел на скамейку. Отсюда все выглядело еще позорнее. Мяч с центра, один пас, тут же перехват, заброс вперед, и веером, веером, пятеро динамовцев покатались на трех наших защитников, вжимающихся уже во вратарскую.

Мяч накатился под удар, хлестко прозвучал под куполом, сетка взлетела... Тощий нескладный Васенцов только расставил руки.

И тут вдруг что-то получилось. Наши забежали, вспомнили игру, пошел перепас...

Держаться в центре, держаться – под неодобрительный гул трибун. Пас вперед! Сан Саныч вспомнил молодость, рванул напрямик. Мяч аккуратно перелетел через его плечо прямо под ногу! И тут ему в ноги кинулся динамовец. Подсечка, и Саныч полетел на землю, покатался, прилег, подскочил в горячке, упал...

Я выбежал на поле, кинулся к нему... Его лодыжка стремительно опухала и синела прямо на глазах. Сильное растяжение или даже разрыв связок – нужен рентген, и срочно.

Такое судья проигнорировать не смог: желтая карточка – динамовцу и пенальти. Виножник потрянул патлами и возмущенно выматерился.

Витаутович вскочил с кресла, вытянулся, чтобы рассмотреть, что у нас.

Что там было дальше, я не видел. С подоспевшим Кошкиным мы потащили тренера под руки, как раненого бойца. Он прыгал на одной ноге, вторую согнув в колене. Только бы не разрыв связок!

Сзади донеслась трель свистка.

Гол! Наш первый гол! Трибуны возмущенно взвыли. Я на ходу обернулся и увидел бегущего по полю навстречу нашим орущего Погосьяна. Он так разинул рот, что мяч бы пролетел.

Пока тащили Саныча к врачу, тот стоял и смотрел, даже шага не сделал навстречу. Ощупав отекающую лодыжку Димидко, он покачал головой.

– Вывиха нет.

– Растяжение? Разрыв? – обреченно поинтересовался тренер.

Врач пожал плечами:

– Это вам на МРТ надо, так точно не скажешь.

А на поле – опять гол, теперь уже нам.

Команда посыпалась. Со скамейки управления нет – какое управление от Древнего? В поле лидера нет. Игроки не сыгранные, да уже и бросили играть, только обозначали свои места на поле. Вратарь, Лёня Васенцов, еще прыгал, и даже несколько мячей отбил, но больше, конечно, пропустил.

Итог матча: 8:1.

Завтра в «Лиловском вестнике» будет статья «"Титаник" на дне».

Молча переодевшись, мы направились к автобусу – будто воры, через запасной выход. Димидко, опираясь на Матвейча и Гребко, доковылял до автобуса. Придерживаясь руками, запрыгнул по ступенькам в салон, уселся на сиденье, повернутое к остальным, предназначенное для экскурсовода. В первом ряду устроился Лев Витаутович. Подождал, пока все соберутся, и сказал. Не сказал даже, отчитал Димидко тоном строгого наставника:

– Александр, вы зря вышли в поле. Все равно игра велась нечестно, и вы ничего не доказали бы.

– Задним умом все мы сильны, – проворчал Димидко.

Хоть врачи ему запретили играть, но Саныч уж очень это дело любил, думал, если на полшишечки, то не считается. Психанул, подставился.

Автобус тронулся с места. На площадке перед центральным спорткомплексом толпились болелы, праздновали победу. В их руках мелькали бутылки. Кто-то даже салют пустил.

Витаутович продолжил:

– По-моему, парни держались достойно.

– Ага, держались – обеими руками за поручни. И стояли скалой. То есть недвижимо. Не «Титан», а «Титаник», – с некой долей горечи проговорил Димидко, проваливший свою контрольную.

Он хотел что-то еще сказать, но в сердцах махнул рукой. Причем опечален наш тренер был не своей травмой, а проигрышем.

Я ожидал разбора полетов, но Димидко смотрел в окно и молчал, словно видел там, в черноте, что-то важное. Витаутович тоже молчал. Наши обменивались возмущением, титановцы, кроме Левашова, Гусака и Васенцова, языки поглубже затащили – чувствовали, что накосячили.

Когда приехали в Михайловск, Матвейч и Витаутович сразу потащили Димидко в травматологию, а мы собрались в его квартире ждать результат. Как на игрока мы на Сан Саныча не рассчитывали, но все равно обидно. Да и если Димидко надолго охрощет... Для команды это, конечно, ничего, но для самого Сан Саныча – больно.

Приехали Витаутович, Матвейч и Димидко в одиннадцать. Предвосхищая наши вопросы, Сан Саныч заявил с порога:

– Растяжение. Разрыва нет.

Димидко проскакал на одной ноге в гостиную, опустился на маты и сказал:

– Это какой-то сипец. Шлак, отстой и далее по списку. Местных нужно менять или менять.

Каламбур поняли не все, и Димидко объяснил:

– Если они не изменятся, мы их поменяем на более толковых ребят.

– Это ишаку понятно, – изрек Колесо. – Вот только где взять тех ребят?

Димидко улыбнулся так широко, что стало ясно – он знает где.

Глава 6. Ваше благородие, госпожа Удача!

Наверное, футбольный бог (или богиня?) все-таки есть. И он наконец обратил благосклонный взор на нашу многострадальную команду.

Но по закону равновесия, если кому-то что-то дали, значит, у кого-то другого это что-то забрали. «Титану» не просто повезло, а что говорится – нам поперло. В отличие от белорусского «Витебска». Эта команда, играющая в Первой лиге, переживала не лучшие времена и распустила дубль. Молодые футболисты заметались в поисках команды, а тут авторитетный Димидко зовет к себе под крыло. Да, условия не очень, зато есть перспектива!

Новенькие приехали в воскресенье на завтрашний просмотр – четверо мальчишек сразу после спортшколы, никому неизвестные, а потому ненужные. «Мальчишек» – ха! Все не привыкну, что я такой же.

Поскольку трансферное окно для Второй лиги закрывается 1 марта, за пять дней нужно определиться с составом. Так-то команда полностью укомплектована, но утром Димидко обмолвился, что он не собирается держать лишние рты.

Всех так утомили ленивые и наглые резервисты «Титана», что мы принесли коллективную жертву богу футбола – скинулись на квартиру для парней. Большую часть денег внес Димидко, который, лишившись семьи, стал гореть футболом, ни о чем другом не говорил и не думал. Утром мы тренировались, а он скакал по полю и когда орал, когда подбадривал. Каждый вечер мы собирались у него, смотрели матчи, анализировали игру, обсуждали сильные и слабые стороны футболистов.

В моей реальности футболисты Второй лиги бедствовали, половина тренеров бухала по черному и не работала, а просто мотала срок. Многие команды были предоставлены сами себе. От отчаяния и футболисты, обреченные барахтаться в этом болоте до пенсии, начинали бухать. Как тут вырваться, когда всем насрать на результат?

Интересно, как здесь? Много ли энтузиастов, таких, как Димидко? Есть ли договорняки? Бухающие тренеры? Наверняка мы столкнемся и с договорняками, и с нечестным судейством, на боях без правил я все это видел. Удастся ли нам взбить масло из субстанции, в которой барахтаемся? А если это не сметана?

Вся надежда на связи Витаутовича, ведь не просто так он с нами.

В понедельник мы – и бывшие «динамовцы», и белорусы, пришли раньше, переоделись и расположились в нашем микроскопическом конференц-зале. Димидко ехал на такси и сегодня собирался представить четверку новых футболистов титановцам.

На подъезде он должен был позвонить, чтобы мы его встретили, и он не скакал двести метров, но Сан Саныч почему-то молчал.

Я накинул куртку и обратился к Погосяну:

– Пойдем поможем ему. Костылей-то у него нет.

Мика кивнул, оделся, мы вышли в коридор и увидели, как по ступеням спускается Димидко в сопровождении девушки, которая ему помогала, стоя к нам спиной. Одной рукой он держался за стену, второй опирался на девушку, зажимавшую под мышкой два костыля.

– Александр Александрович, это ведь всего на несколько дней, пока связки заживут. Потом костыли будут не нужны, хватит и трости. Вот так. Теперь держите.

Девушка отдала ему костыли и повернула голову. Дарина? Та самая? Внучатая племянница генерала Вавилова и любительница смешанных единоборств, которая за это чуть не поплатилась жизнью? Увидев меня, девушка оцепенела и часто заморгала, а я протер глаза и, все еще им не веря, спросил:

– Рина? Что ты тут делаешь?

– Работаю. Реабилитологом.

Вспомнилось, что она вроде медсестра, но девушка сразу объяснила:

– Я учусь на реабилитолога заочно. После училища берут сразу на третий курс... Это раз, а два... – она зарделась, отвела взгляд. – У меня есть личные причины.

Димидко встал на костыли и заковылял по коридору, ворча себе под нос, что неудобно, он не инвалид и не старый дед. Погосян приосанился и подошел к Рине.

– Как жаль, что у такой девушки, – он томно вздохнул, – личные причины. Я уже почти влюбился. Я Мика.

Она представилась и проговорила, глядя на меня:

– Мой любимый... тренер сюда переехал. Лев Витаутович. Я буду ходить к нему на тренировки.

Погосян отвесил челюсть. Рина пару секунд молча наслаждалась эффектом, а потом рассмеялась.

– Тренер? Это наш, что ли, начальник команды? А... ну да. – Погосян приблизился к Рине вплотную. – Ты такая красивая. Не бойся, солдат ребенка не обидит.

– Но ребенок вполне может оторвать солдату... шлем, – сказал я.

Рина снова рассмеялась и защебетала со мной, как со старым знакомым:

– Витаутович будет тренировать новичков, а меня – индивидуально. На профи замахи-ваться не стал из-за постоянных разездов, а тем, кто тренируется для себя, его непродолжительное отсутствие сильно не навредит. Ты сам как? Придешь на спарринг? – Она толкнула меня в бок кулаком.

– Спасибо, меня футбол полностью удовлетворяет.

Димидко проковылял в зал, мы проводили его взглядом, и я спросил:

– Насколько серьезная травма у нашего тренера?

– Растяжение, микроразрыв. Через недели три совсем пройдет, но дней семь надо побережся, походить на процедуры. – Рина посмотрела на дверь. – Проследите за ним, чтобы не наступал на ногу. Больно он у вас резвый... И вообще, рада тебя видеть!

Одарив меня лучезарной улыбкой, она направилась к выходу. Погосян посмотрел на нее влажным взглядом и спросил, когда захлопнулась дверь:

– Ты ее знаешь?

– Немного. Она заявлялась на бои без правил. Вообще серьезный боец.

Погосян присвистнул и вместо того, чтобы испугаться, протянул:

– Какая девушка...

Увидев заходящих с улицы Синяка, Потупчика и Иванова, мы с Погосяном помахали им и направились в конференц-зал.

Когда все собрались, он был переполнен. Быкову и Гусаку пришлось подпирать стену. Ветераны «Титана» бросали злобные взгляды на белорусов. Так наша команда разделилась на три группы: мы, бывший «балласт» с примкнувшими Левашовым и Гусаком, белорусы и титановцы, которые не жаловали нас, а теперь вызверились на новеньких.

Димидко оседлал стул и сказал:

– Итак, у нас был некомплект, а теперь вас слишком много, и в марте с кем-то придется расстаться. Как говорится, лучше меньше, да лучше.

Он сделал то же, что и Кирюхин: подвел игроков к пропасти. Мне вылет не грозил, но что чувствовали резервисты «Титана», я очень хорошо представлял. Димидко рассчитывал, что, боясь оказаться на улице, старики покажут, на что способны.

Все они аж почернели, ссутулились вместо того, чтобы принять бой и расправить плечи. Какая несправедливость! Столько лет халявы, а тут работать заставили.

При недостаточном тренерском контроле во многих командах процветала дедовщина, доходило и до того, что ветераны во время игры калечили молодняк, чтобы не лишиться позиции. Под крылом Димидко это никому в голову, надеюсь, не придет.

– У меня есть три кандидата на вылет. И даже если кто-то останется в команде сейчас, следующее заявочное окно – летом, имейте в виду. Как вы видите, желающих играть в команде достаточно. Сегодня, завтра и все время, включая воскресенье, мы будем играть.

Я посмотрел на Дрозда, которому в этот день обещали выходной. Он опечалился, понимая, что тоже может вылететь из-за своих разъездов.

– Многие из вас – мои давние знакомые, – все говорил Димидко. – Но дружба дружбой, а работа работой. Кто не потянет – покинет команду. Так что все в равных условиях. Без обид, мужики. И да победит сильнейший! Теперь – в поле!

После традиционной тренировки и обеденного перерыва началась игра – наконец полноценная двусторонка. И резервисты заиграли! Как могли, конечно, но рубились они отчаянно. Чтобы ободрить титановцев, я даже позволил им забить в наши ворота. О, сколько радости было! Я и не думал, что они способны на такие эмоции!

Хуже всех получалось у Гусака, которому не хватало техники, и у Быкова, импотента от футбола. Ему бы штангу жать или диск метать. Но он думал, что ему на поле нет равных, потому что удар его силен, и мяч пробивает сетку насквозь. И плевать, что это свои ворота. Он стоял далеко, и наши нападающие об него убивались. То Мика покатился. То, вот, новенький.

Димидко задолбался свистеть и предупреждать и удалил его с поля, теперь титановцы играли в меньшинстве, но на результате это не отразилось. Похоже, вот и определилось слабое звено.

Титановцы очень старались, но все-таки Первая лига – соответствующая подготовка, и новенькие смотрелись выигрышно, хотя наши им не уступали.

* * *

Четыре дня не прошли – пролетели мячом в ворота. Гол! Победа!

Азарт. Конкурентная борьба. Радость побед и – от хорошо проделанной работы. И вот уже 26-е февраля. Завтра наш матч с «Мебельщиком», а сегодня после обеда Димидко определится с основным составом, но прежде нам предстояла контрольная игра – чтобы он окончательно убедился в правильности принятого решения.

Лев Витаутович сидел на скамейке запасных рядом с Матвеичем. Несмотря на возраст, он был хорош и как «столб», и как защитник, он сам это знал и не переживал, что вылетит. Возле скамейки топталась Дарина. Наверное, пришла следить, чтобы Димидко не сильно усердствовал и пользовался тростью, а не бегал по полю на своих двоих. Был еще один гость: черная куртка, спортивные штаны, лицо, побитое оспинами... Он был среди гопников, когда мы чуть не передрались. Видимо, этот парень представлял болельщиков в единственном лице и явился посмотреть, что за команду собрал Димидко.

Тренер расставил нас по позициям, прошелся, как воевода дозором. Свисток – игра началась. Я сосредоточился. Наши сразу же пошли в атаку, противнику удалось отбиться, но Левашов перехватил пас, передал мяч новенькому форварду, Рябову, он ринулся в атаку. Давай, парень! Ай да дриблинг! Танец просто.

Наши защи засуетились, закрыли обзор. Донесся вскрик и свисток. Что там? Дарина побежала на поле с аптечкой. Футболисты столпились так, что закрыли обзор.

– Ты что творишь, сука? – орал Димидко. – Голем сраный!

Ага, такой эпитет применим разве что к Быкову. Опять сбил кого-то? Пока был перерыв, я не удержался, оставил ворота и рванул посмотреть, что случилось. Глянул за спины.

Антон Рябов валялся на боку, поджимая ногу, лицо его было искажено болью. Над ним возвышался Быков.

– Да че я сделал? Он сам подлез, что мне, пропускать его к воротам?

Виноватым наш коновал не выглядел, он был скорее растерянным и... Обескураженным. Я сосредоточился на его желаниях. Большого всего на свете он хотел, чтобы парень сломал ногу или хотя бы вывихнул. Ах ты ж падла! Он специально это сделал!

Глядя, как Дарина осматривает ногу Рябова, я отвел Димидко в сторону.

– Ты все видел в деталях?

– Не то чтобы в деталях. Обзор закрыли. А что?

– Бык его специально сбил.

Глаза Саныча округлились.

– Ты не мог этого видеть, – покачал головой он. – Но если так...

– Что тут у вас? – прерывая наш диалог, донесся зычный голос пробивающегося сквозь толпу Витаутовича.

– Ничего страшного, – ответила Дарина. – Сильный ушиб. Все будет хорошо. – Она похлопала парня по плечу, приложила к его ноге лед.

Девушка не была врачом, то, что она делала, не входило в ее обязанности, но пока команда искала медика, она решила нас опекать.

– Ни хрена себе «ничего страшного»! – возмутился Погосян, ткнул в Быкова пальцем. – Я с этим костоломом больше на поле не выйду!

Я не спускал глаз с Быкова. О, как он расстроился, когда узнал, что обошлось без серьезной травмы! Гнев накатил на меня волной, но я подавил его, скрутил тугим багряным жгутом. Шагнул к Быкову, толкнул его в грудь.

– Думаешь так себе место застолбить? Думаешь, тебя оставят, если кто-то поломается? Ну и гнида ты!

Быков оттолкнул меня. Силы в нем было... как в быке.

– Охренел, сопляк?!

– Ни фига себе предьявы! – прогундел Синяк, который, естественно, защищал своего.

– Что ты о себе возомнил? – подал голос Щенников.

– Отставить потасовку! – тихо и спокойно проговорил Витаутович, но от его голоса мороз продрал по спине и волосы зашевелились. – Как все было? – Он посмотрел на Погосяна.

– Как... Быков тупо его пнул со всей дури.

– Вранье! – возмутился виновник инцидента.

Я вдохнул, выдохнул. Долбанное молодое тело! Совершенно невозможно контролировать эмоции. Успокоиться! Доказательств его вины нет. Не скажу же я, что умею считывать намерения. Надеюсь, Димидко выводы сделал.

– Быков – на скамейку, – распорядился он. – Матвеич – в защиту. Рябов, играть можешь?

Парень поднялся, проводил взглядом удаляющегося Быкова, попрыгал, скривился и помотал головой.

– Лучше сегодня не играть, – посоветовала Дарина и сразу же ответила на немой вопрос Димидко. – Ему больно. А завтра все пройдет.

– Сам-то что скажешь? – спросил у Рябова Витаутович. – Тебя намеренно сбили?

– Не знаю. Не понял.

Не стал наговаривать. Хороший честный парень.

Подав сигнал свистком, Димидко глянул на часы и объявил:

– Играем!

Играли без огонька. Раскачались ближе к пяти, но Димидко решил, что на сегодня хватит, ведь перед матчем с «Мебельщиком» нам нужно отдохнуть, и объявил общий сбор в конференц-зале. Или в тренерской. В общем, в тренерском зале.

Димидко наконец окончательно определился с основным составом.

Роли распределились почти так, так, как я и думал: резвый нападающий, 18-летний Антон Рябов, встал к Погосяну. В отличие от Матвеича, лучший стартовый рывок позволял

Рябову резко отрываться от соперника, и эта же резкость помогала ему лучше открываться и предлагать себя нашим полузащитникам.

Матвейча Димидко переместил в защиту вместо Быкова, который сел на скамейку запасных вместе с Гребко. Украинец совсем не расстроился – он и сам понимал, что не тянет. Опорником вместо него встал Костя Лабич, которому восемнадцать исполнилось неделю назад. Несмотря на молодость, игрок был вполне зрелым по меркам второй лиги, так как хорошо чувствовал позицию и здорово играл на перехвате. При этом он был очень резким и по-хорошему наглым, выгрызая землю из-под ног вражеских нападающих, вырывая мяч практически с ногами.

А вот Дрозд-Дятел потух, когда его заменили рослым смуглым Игорем Думченко, который в свои восемнадцать смотрелся на все тридцать и лохматостью напоминал гостя с солнечного Кавказа. Хотя я удивился бы, если б Димидко оставил Дятла: разъезды очень его утомили, он опаздывал на тренировки, и вообще непонятно, не взбрыкнет ли в последний момент его жена, не запрет ли мужа дома накануне соревнований.

Ранюков же, потеряв позицию, не расстроился, он отлично понимал, что не тянет и рискует подвести команду. Полчаса побегать он мог, и работал неплохо, но потом умирал и терял темп, в отличие от низкорослого, чуть выше Микроба, Любомира Бурака.

Колесо свою позицию сохранил – единственный из ветеранов-динамовцев, потому что на позиции центрального защитника играл надежно, грамотно командовал оборонительными построениями и давал подсказки не только Думченко, но и Матвейчу со мной.

Сегодня Сан Саныч никого выгонять не стал, а про Быкова будто бы вовсе забыл. Это он правильно. Не нужна мне репутация тренерского любимчика. Да и ветераны на меня окрысились бы окончательно. Может, они и правда ничего эдакого не заметили и защищали Быка только потому, что он свой. А тут, понимаешь, приехали чужие и наших бьют. Но осадочек остался. Спиной к ним поворачиваться я точно не стану.

Распустил нас Димидко ровно в шесть, и мы все направились в раздевалку: сперва бывшие динамовцы, потом молодые новички-белорусы и ветераны «Титана». Все это время я чувствовал недобрые взгляды местных.

Раздевалка загудела, наполнилась разгоряченными мужскими телами. Я повернулся к своему шкафу, чтобы достать из рюкзака полотенце, и тут меня рывком развернули – еле на ногах удержался. Надо мной угрюмой скалой навис Быков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.